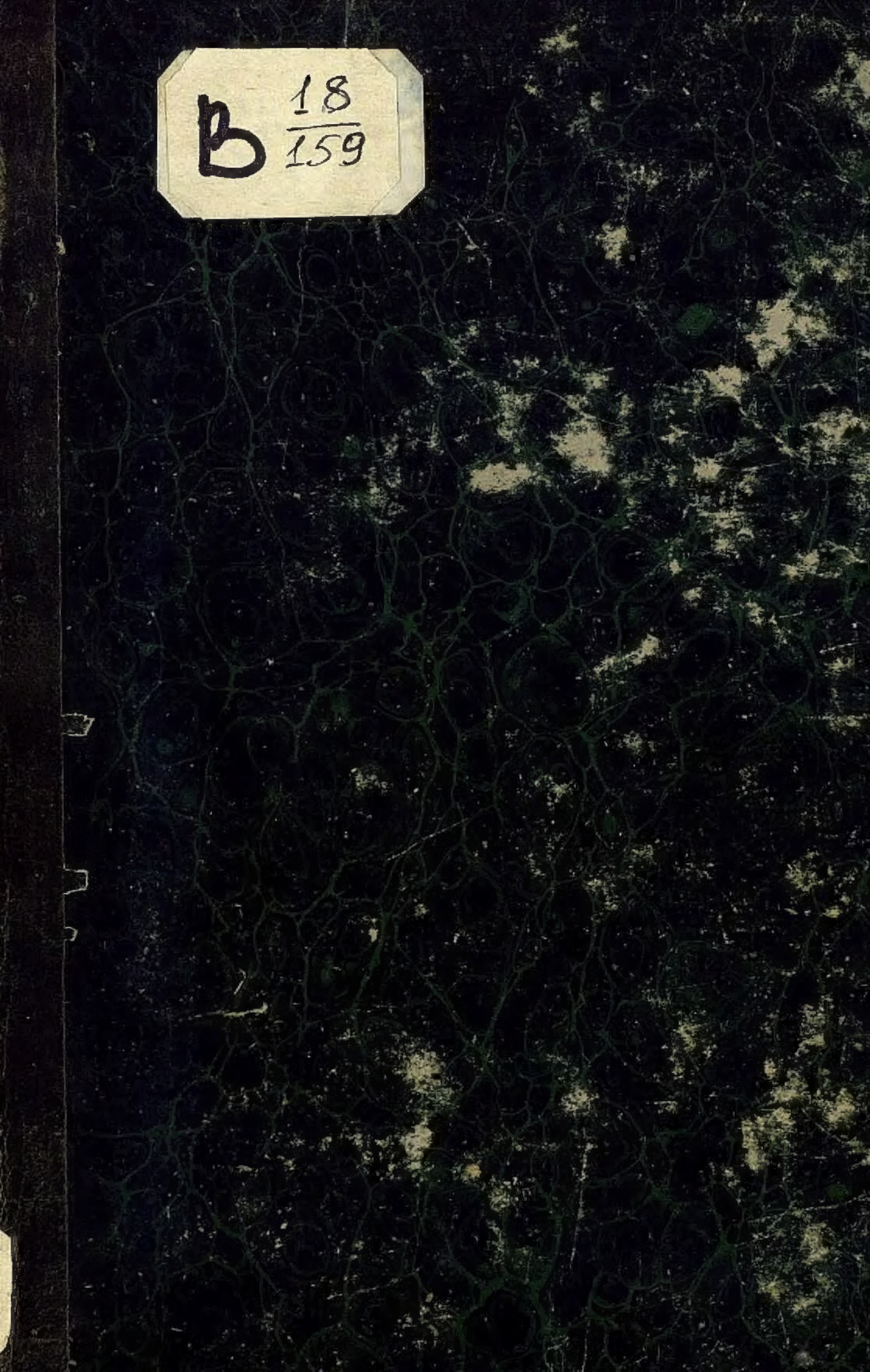

B 18/159

ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ЦАРСТВОВАНІЯ

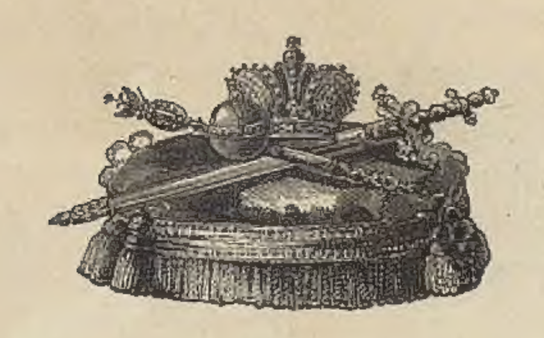
ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I.

СОЧИНЕНІЕ

Рафаила Зотова.

С. П. БУРГЪ.

ИЗДАНІЕ АНДРЕЯ ПРЕВО.

—

1859.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 6 Сентября 1858 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Типографія Н. Тихменева. Въ Троицкомъ переулкѣ, 32.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

Приступая теперь къ очеркамъ великаго царствованія Императора Николая I,—мы вовсе не думаемъ составлять его исторіи. Этотъ трудъ ждетъ новыхъ карамзиныхъ и Русскихъ Титъ-Ливіевъ. Мы только соберемъ нѣсколько картинъ изъ этаго великаго и незабвеннаго періода, столь обильнаго славными событіями во всѣхъ отношеніяхъ.

Императоръ Николай I родился 25 Іюня 1796 года.— Въ бракъ вступилъ съ дочерью Прусскаго Короля Фридриха Вильгельма III, нарѣченною въ православіи Александрою Өеодоровною 1-го Іюля 1817 года. Дѣтей отъ этаго прекраснаго и благополучнаго брака было: Александръ, Константинъ, Николай и Михаилъ, Марія, Ольга и Александра. Это Августѣйшее семейство было разсадникомъ и образцемъ всѣхъ добродѣтелей. Восшествіе на престолъ Императора Николая I повелѣно было считать съ 20 Ноября 1825 года.

Событія, которыя послужили къ возведенію его на тронъ изложены будутъ въ слѣдующей статьѣ. Здѣсь же хотимъ

мы представить краткій обзоръ и характеристику незабвеннаго его царствованія.

Всякому вѣнценосцу, вступающему на престолъ послѣ великаго и блистательнаго царствованія, очень трудно сохранить популярность своего предшественника и остаться на прежней политической точкѣ силы и могущества. Россія при Александрѣ, послѣ удивительныхъ событій 1812—1815 годовъ достигла до степени первой державы въ Европѣ и удержать ее на этой небывалой высотѣ — казалось невозможнымъ. И однако же тридцатилѣтнее царствованіе Императора Николая I доказало, что онъ прямодушною своею политикою, рыцарскимъ характеромъ, твердою волею и высокимъ умомъ сохранилъ Россію на той степени силы и могущества, на которую ее поставилъ Александръ I.

Главная трудность первыхъ минутъ царствованія Николая I состояла въ томъ, что онъ провелъ всю свою молодость, во все не готовясь къ высокому сану монарха сильнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи, тогда какъ въ обыкновенномъ порядкѣ дѣлъ всѣ наслѣдники престоловъ заранѣе свыкаются съ административнымъ механизмомъ и подробностями народной жизни. По историческимъ документамъ, которые до сихъ поръ извѣстны,—Николай I до послѣдней минуты не зналъ о *фамильномъ договорѣ*, который возводилъ его на престолъ Россіи.—Не смотря на это, онъ съ перваго шага обнаружилъ въ себѣ всѣ государственныя доблести, всѣ качества великаго Государя. И во все время своего царствованія онъ былъ таковъ же.

Пріобрѣтеніе новыхъ областей въ эти тридцать лѣтъ было незначительно. Только послѣ Персидской и Турецкой кампаній 1827—1829 годовъ присоединено было нѣсколько азіатскихъ провинцій на юго-восточныхъ нашихъ границахъ. Да и къ чему было для Россіи расширеніе предѣловъ. Это

уже цѣлая часть свѣта, которая требуетъ только внутренняго развитія національныхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ.—Это развитіе было предметомъ постоянной заботливости Николая I. Болѣе всего желалъ онъ внушить своему народу непоколебимое *чувство долга.* Періодъ его царствованія можно назвать *законодательнымъ.* Но онъ видѣлъ, что наилучшіе кодексы безполезны тамъ, гдѣ нравственность исполнителей не поддерживаетъ ихъ силы, а потому наиболѣе старался о моральномъ очищеніи всѣхъ сословій.

При восшествіи его былъ недостатокъ въ *Русскихъ* преподавателяхъ и воспитателяхъ. Институтъ Профессорскій и Главный Педагогическій помогъ этому недостатку — и въ концѣ его царствованія было 6 университетовъ, 1 педагогическій институтъ, 2 лицея, 79 гимназій, 440 уѣздныхъ училищъ, 1125 приходскихъ, 633 частные пансіона, 70 Еврейскихъ казенныхъ училищъ.—Въ особенности процвѣтали въ царствованіе Николая I *военно-учебныя заведенія,* которыя могутъ почесться образцовыми во всей Европѣ. Въ этомъ важномъ трудѣ сподвижниками его были Великій Князь Михаилъ Павловичь, а потомъ Цесаревичь Наслѣдникъ (нынѣ царствующій Государь Императоръ).

Числительная сила арміи доведена была при Императорѣ Николаѣ I до высшей цифры противъ всѣхъ Европейскихъ Государствъ. Вооруженіе, одежда и содержаніе войскъ улучшено было во всѣхъ отношеніяхъ.—Русской флотъ почти всѣмъ обязанъ попеченіямъ Николая I и доведенъ имъ до небывалой дотолѣ степени силы и числительности.

Торговля Россіи, внѣшняя и внутренняя, получила при Николаѣ I сильное развитіе. Самое сословіе купечества пріобрѣло вѣсъ и вліяніе въ Государственномъ составѣ, какихъ

дотолѣ не имѣло. Имена многихъ Русскихъ негоціантовъ сдѣлались Европейскими, а кредитъ ихъ всемірнымъ.

Крестьянскій бытъ во многомъ улучшился въ царствованіе Николая I. Онъ съ самаго начала возъимѣлъ высокую мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ,—и уже многія попытки были произведены къ осуществленію этой высокой Государственной мысли; но волненія Европы 1848—1849 годовъ и потомъ война съ 1854—остановили развитіе великодушныхъ плановъ. Великому преемнику своему предотавилъ онъ эту славу и честь.

Сословіе служащихъ лицъ тоже многимъ обязано отеческимъ попеченіямъ Николая I. Онъ издалъ для него много прекрасныхъ узаконеній,—и, нѣтъ сомнѣнія, что Августѣйшій преемникъ его довершитъ полезныя мѣры, остающіяся по этой части.

Литература, музыка, живопись, архитектура, театръ,—все возвысилось въ царствованіе Николая I,—и во многомъ обязано своимъ развитіемъ покровительству и поощренію его.

Лучшимъ его памятникомъ будетъ конечно *Сводъ Законовъ* (о которомъ мы въ своемъ мѣстѣ подробнѣе разскажемъ),—а изъ общественныхъ монументовъ, увѣковѣчивающихъ его память: Александровская колонна, новоотстроенный зимній дворецъ, Московская желѣзная дорога, постоянный мостъ черезъ Неву и Музей—составляютъ историческіе, всемірные памятники, прославляющіе цѣлое царствованіе.

Въ домашней жизни Императоръ Николай I былъ образцемъ добродѣтелей супруга и отца.—Тысячи анекдотовъ свидѣтельствуютъ, что даже между частными людьми рѣдко можно найти столько прекрасныхъ типовъ высокой нравственности, какъ въ Августѣйшемъ семействѣ Русскаго Царя.

Вообще духъ царствованія его представляетъ разительное сходство съ Петромъ I,—съ тою только разницею, что

первый преобразователь Россіи хотѣлъ сдѣлать изъ нея *Европейскую* державу, а Николай I хотѣлъ, чтобъ народъ его былъ не только *Европейскій*, но болѣе всего *Русскій* со всѣми доблестями души, съ непоколебимою вѣрою Христіанина, съ неодолимымъ мужествомъ воина, съ неуклоннымъ чувствомъ исполненія долга.—Лучшимъ образцемъ для каждаго былъ онъ самъ!

14-е ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

Двадцать пять лѣтъ продолжалось славнѣйшее Царствованіе въ Русской исторіи Императора Александра I. Ему было еще 48 лѣтъ; онъ былъ еще во всей свѣжести мужскаго періода; пользовался совершеннымъ здоровьемъ, и приближенные только изрѣдка замѣчали въ немъ какой-то оттѣнокъ меланхоліи, не имѣвшей однако никакого признака болѣзни, которая могла бы возбудить малѣйшія опасенія.—За то всѣ опасались за здоровье и жизнь ангелоподобной подруги Его Императрицы Елисаветы Алексѣевны, которую весь народъ обожалъ, какъ образецъ кротости и милосердія. Неразъ уже ѣздила она лечиться по Германскимъ водамъ; наконецъ въ 1825 году врачи присовѣтовали ей провести суровое зимнее время въ южныхъ областяхъ Россіи, и для этого назначенъ былъ Таганрогъ. Императоръ Александръ самъ отправился туда 1 Сентября, чтобъ устроить тамъ временное пребываніе Августѣйшей супруги.—Всѣ плакали при отъѣздѣ ея изъ С.-Петербурга, не надѣясь уже увидѣть ее: никто не воображалъ, что судьба потребуетъ другой, ужаснѣйшей жертвы.

Посреди славнаго періода царствованія Александра I-го вся Россія была по временамъ озабочена мыслію, что обожаемый ею Монархъ не имѣетъ прямыхъ наслѣдниковъ; но, какъ у него было еще три брата, одаренныхъ прекрас-

ПЕРЕПРАВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ЧРЕЗЪ ДУНАЙ 1828. Г.

нѣйшими качествами, то всѣ и знали, что въ случаѣ бездѣтности старшій братъ Константинъ долженъ вступить на престолъ. Правда, что онъ незадолго передъ тѣмъ женился на Польской Графинѣ и по законамъ Государственнаго престолонаслѣдія какъ будто чрезъ то самъ себя устранилъ отъ преемничества,—но самыя лѣта и здоровье Александра подавали еще всеобщую надежду, что провидѣніе даруетъ ему прямаго наслѣдника.

Помѣстивъ Императрицу въ Таганрогѣ, Алексанръ отправился для обозрѣнія при—Донскихъ областей. Въ этой несчастной поѣздкѣ получилъ онъ ту болѣзнь, которая потомъ развилась съ такою ужасною быстротою.—Почувствовавъ себя больнымъ, онъ 4 Ноября возвратился въ Таганрогъ—и слегъ въ постель. Съ нимъ былъ докторъ Виллье, но вскорѣ всѣ медицинскія пособія оказались безполезными.

Ноября 19 Его не стало.

Въ С.-Петербургѣ узнали о первыхъ припадкахъ болѣзни 18 Ноября. Вся Россія тотчась устремилась въ храмы, чтобъ Всевышній сохранилъ столь драгоцѣнное здоровье. 27 числа пришло роковое, громовое извѣстіе, что Александръ I скончался.

Тогда въ столицѣ находились Императрица Марія Ѳеодоровна и Великіе Князья Николай Павловичь и Михаилъ Павловичь. Но главнымъ лицемъ въ Петербургѣ былъ тогда Генералъ-Губернаторъ Графъ М. А. Милорадовичъ, облеченный Высочайшимъ довѣріемъ и имѣвшій обширныя полномочія. Явясь однимъ изъ первыхъ въ Зимній дворецъ, Милорадовичъ тотчасъ же началъ принимать мѣры, чтобъ принесена была всѣми узаконенная присяга старшему брату усопшаго Монарха Великому Князю Константину Павловичу (находившемуся въ Варшавѣ).

Собрался и Государственный Совѣтъ. Предсѣдатель Князь Лопухинъ и совоспитанникъ Александра I Князь А. Н. Голицынъ объявили, что еще при жизни усопшаго Монарха переданы были въ Совѣтъ пакеты, на которыхъ сдѣлана была собственноручная надпись Государя: *«вскрыть ихъ тотчасъ же послѣ моей кончины, прежде нежели приступить къ какимъ либо распоряженіямъ».* — На это объявленіе Графъ Милорадовичъ отвѣчалъ, что прежде всего надобно исполнить долгъ вѣрноподданныхъ и принести присягу, а потомъ уже прочесть волю въ Бозѣ опочившаго Монарха. Великій Князь Николай Павловичъ первый произнесъ присягу—и всѣ послѣдовали его примѣру. Тотчасъ же разосланы были Указы о присягѣ Константину I-му—и съ той минуты всѣ административныя мѣры исполнялись именемъ новаго Русскаго Царя.

Но тотчасъ же послѣ присяги распечатаны были роковые пакеты. Въ нихъ хранились: 1-е Манифестъ 16-го Августа 1823 года о добровольномъ отрѣченіи Константина Павловича отъ правъ престолонаслѣдія и о назначеніи преемникомъ Короны Николая Павловича; 2-е письмо Цесаревича (14 Января 1822) къ Александру съ просьбою объ утвержденіи его отрѣченія, котораго причины тутъ же были изложены,—и 3-е отвѣтъ Императора Цесаревичу съ выраженіемъ согласія на это отрѣченіе.

По прочтеніи этихъ документовъ рѣшено было ожидать воли Цесаревича, которому принесена была уже присяга въ вѣрности всею Россіею. Но тотъ еще съ Ноября, получивъ извѣстіе о кончинѣ Александра послалъ письмо къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ Николаю Павловичу, выражая въ нихъ твердую рѣшимость не уклоняться отъ однажды принятаго намѣренія.—Оставалось Николаю Павловичу покориться волѣ судьбы, вручавшей ему Престолъ

величайшей Монархіи въ свѣтѣ.—12 Декабря обнародаванъ былъ Высочайшій Манифестъ о Восшествіи на Престолъ Императора Николая I съ приложеніемъ всѣхъ бумагъ отрѣченія.—Разосланы были вновь Указы о присягѣ,— и поутру 14 Декабря должны были присягать полки Лейбъ-Гвардіи.

Вдругъ раздалась въ городѣ ужасная и постыдная вѣсть, что часть этихъ полковъ взбунтовалась и съ распущенными знаменами явилась на Сенатскую площадь съ криками: *ура, Царь Константинъ*! а нѣкоторыя лица въ партикулярныхъ платьяхъ возглашали: *Конституцію!*

Графъ Милорадовичь тотчасъ же явился къ этой горсти заблудшихся (ихъ было до 600 человѣкъ),—и не смотря на свое полу-пьяное состояніе, солдаты узнали знаменитаго полководца. Послѣ нѣсколькихъ словъ его и по командѣ,—они уже хотѣли послѣдовать за нимъ, чтобъ умолять о прощеніи Государя... Вдругъ изъ толпы заговорщиковъ выскочилъ человѣкъ въ частномъ платьѣ (Каховскій) и пистолетнымъ выстрѣломъ повергъ героя, не получившаго ни одной раны въ двухъ стахъ сраженіяхъ.

Первый шагъ новаго вѣнценосца былъ грустенъ и труденъ,—но онъ въ немъ и обнаружилъ высокій свой духъ. Какъ достойный братъ Александра I,—онъ зналъ, что первое качество Русскаго Царя—Отца—есть милосердіе; но, какъ правитель огромной Имперіи, онъ видѣлъ, что спасеніе и благосостояніе всего народа требуетъ немедленнаго потушенія безразсуднаго и преступнаго бунта. Прежде всего исполнилъ онъ священную обязанность сердца, желая спасти заблудшихся. Съ геройскою неустрашимостію поѣхалъ онъ къ рядамъ бунтовщиковъ, чтобы словами кротости и убѣжденія возвратить ихъ на путь долга и чести.— Но когда безумцы пребыли глухи къ спасительнымъ сло-

вамъ Царя—Отца, то Монархъ тотчасъ же употребилъ силу. Вѣрные полки прочей Гвардіи давно уже стояли и ждали повелѣнія; они окружили злодѣевъ,—и нѣсколько выстрѣловъ картечью достаточно было, чтобъ разогнать эту горсть. Въ тотъ же вечеръ всѣ были перехватаны и преданы законному суду.

Учреждена была Слѣдственная Комиссія. Она открыла существованіе давнишняго и обширнаго заговора. Это былъ плодъ тайныхъ обществъ, составившихся въ Россіи послѣ компаній 1813—1815 года по примѣру подобныхъ же, существовавшихъ въ Германіи и Франціи. Главная цѣль ихъ состояла въ преобразованіи общественнаго и административнаго порядка въ Россіи. Только иные, для достиженія этой цѣли хотѣли постепенно улучшать нравы и обычаи, дѣйствуя на все общество своими членами. Другіе же требовали насильственныхъ мѣръ и переворотовъ. Были даже такіе злодѣи, которые предлагали истребить всю Императорскую Фамилію. Подобные изверги конечно заслуживали казни, а еще болѣе вѣчнаго заключенія въ домѣ ума лишенныхъ.—Всѣ эти преступные замыслы давно уже тлѣлись, какъ искры,—и искали себѣ пищи въ недозрѣлыхъ умахъ, или дурныхъ страстяхъ; но когда долженъ былъ разразиться заговоръ, объ этомъ и сами заговорщики не имѣли еще опредѣленной идеи. Кто знаетъ, разразилсяли бы онъ когда нибудь, еслибъ Александръ I продолжалъ царствовать!—Онъ зналъ о существованіи замысловъ, но видѣлъ все безсиліе и безразсудство этихъ жалкихъ идеологовъ и преобразователей. Еслибъ онъ прожилъ еще, то иныхъ успѣлъ бы образумить, спасти, другихъ наказать,—и Русскія лѣтописи избавились бы отъ стыда видѣть въ своихъ скрижаляхъ день 14 Декабря.—Но кончина его, присяга Константину I—и потомъ вдругъ об-

народованіе объ отреченіи его и о вступленіи Николая I—послужили поводомъ всѣмъ этимъ заговорщикамъ воспользоваться этою минутою замѣшательства для исполненія своихъ преступныхъ замысловъ. Они увѣрили горсть солдатъ, что отреченіе вымышлено и увлекли легковѣрныхъ къ постыдному возмущенію.

По разсмотрѣніи дѣла въ Слѣдственной Коммисіи составился Верховный Судъ (Манифестъ 1 Іюня 1826), который и представилъ Императору свой приговоръ надъ всѣми. Юный Монархъ смягчилъ его—и вскорѣ вся Россія забыла этотъ постыдный эпизодъ своей исторіи.

Началось новое, блистательное царствованіе.

КОРОНАЦІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ І-го.

(22 Августа 1826 года).

Съ перваго шага, съ перваго слова Императора Николая I Россія уже видѣла, что слава и величіе ея, стяжанныя Александромъ I, не только не упадутъ, но еще болѣе возвысятся. Всѣ знали, что первымъ изрѣченіемъ Николая I-го было: «жить единственно для любезнаго отечества; царствовать, какъ царствовалъ Александръ Благословенный, чтобъ совершить все, чего желалъ онъ для счастія Россіи и, слѣдуя примѣру его, стяжать благословеніе Божіе и любовь народную».

Исторія сохранила слова многихъ Государей, обѣщавшихъ при восшествіи своемъ благоденствіе своему народу, но не многіе исполнили ихъ. Слова же Николая I неизгладимо сохранятся въ нашихъ лѣтописяхъ, потому что въ теченіе тридцати лѣтъ онъ ни на шагъ не уклонился отъ предпринятой цѣли, отъ однажды сказаннаго слова.

Торжество коронованія составляетъ вездѣ пышный обрядъ: у насъ же оно имѣетъ глубокое, таинственное, религіозное значеніе. Это союзъ неба съ землею; это низведеніе благодати Св. Духа на Помазанника Божія; это эмблема, что онъ съ той священной минуты дѣйствуетъ уже по вдохновенію Всевышняго. Нигдѣ за то народъ и не принимаетъ

Сочинялъ Зонрвейдъ.   Печ. въ Литг. П. Иванова.   Рис на кам. Х Рэбцовъ

КОРОНАЦІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА 1826. Г.

такого сердечнаго участія въ этомъ торжествѣ, какъ у насъ. Его Батюшка-Царь вѣнчается самимъ Богомъ: это праздпество всего Русскаго народа.

Коронованіе Императора Николая I происходило 22 Августа 1826 года. Вся Европа прислала своихъ первостепенныхъ представителей на это торжество (изъ нихъ замѣчательнѣйшимъ былъ тогда знаменитый Англійскій полководецъ Герцогъ Веллингтонъ). Русскія сословія разумѣется всѣ окружали своего юнаго Монарха. Народъ ликовалъ на національномъ своемъ праздникѣ, рвалъ быковъ, упивался фонтанами вина, раздѣлялъ между собою обильные припасы и лакомства, выставленные для потѣхи его, съ удальствомъ хваталъ бросаемые ему жетоны и монеты, отчеканенные для увѣковѣченія этаго великаго дня,—и всякій старался принести домой хоть обломокъ скамьи на память празднества.

Для иностранцевъ всегда составляетъ любопытное, даже необъяснимое зрѣлище эта любовь Русскаго народа къ царямъ своимъ,—и тутъ представители всей Европы могли удостовѣриться въ силѣ и могуществѣ Государя, котораго престолъ окруженъ такою преданностію и любовію подданныхъ.

Пріятнымъ событіемъ даже для самого Государя Императора было то, что накапунѣ коронаціи прибылъ изъ Варшавы Великій Князь Константинъ Павловичь. Августѣйшіе братья не видѣлись еще съ роковаго дня, когда кончина Александра I внезапно передала престолъ по фамильному договору 1823 года младшему брату вмѣсто старшаго. Безпримѣрная борьба великодушія между ними о взаимной уступкѣ другъ другу престола величайшей въ свѣтѣ монархіи происходила тогда посредствомъ переписки. И хотя вся Россія присягнула уже первоначально Импе-

ратору Константину, но твердый въ своемъ словѣ Великій Князь отвергъ великодушное самопожертвованіе брата своего и оставилъ на раменахъ его бремя управленія пятидесятью милліонами подданныхъ.—Теперь оба вѣнценосные брата явились къ ликующему народу—и присутствіе героя отказавшагося отъ царства увеличило торжественность праздника и всеобщую радость.

Въ Русскихъ газетахъ описанъ былъ тогда подробно весь ходъ и церемоніялъ великаго священнодѣйствія возложенія короны и муропомазанія,—но иностранные журналы были наполнены самыми любопытными подробностями всѣхъ празднествъ.—Коронующаяся Августѣйшая чета представляла рѣдкій образецъ красоты и величія. Императрица Александра Θеодоровна была въ цвѣтѣ юности своей одною изъ прелестнѣйшихъ особъ во всей Европѣ,—а Императоръ Николай I безспорно считался красивѣйшимъ мужемъ своего времени. Съ этимъ вмѣстѣ соединялись наилучшія качества души и сердца. Мудрено ли же, что одинъ видъ Августѣйшей четы возбуждалъ всеобщій, невыразимый восторгъ!

Нужно ли говорить о безчисленныхъ балахъ и праздникахъ, сопровождавшихъ великій день коронованія? Лучше упомянемъ о томъ, что Государь Императоръ излилъ несчетныя милости на своихъ подданныхъ при этомъ случаѣ; что тысячи сиротъ были призрѣны, у тысячей вдовъ осушены слезы; что всѣмъ сословіямъ даны льготы, оказаны благодѣянія; что даже участь преступниковъ была смягчена, а раскаявающіеся получили полное прощеніе. Истинная принадлежность, высшее украшеніе власти—милосердіе: это всегда составляло нераздѣльное качество Русскихъ царей—и въ особенности Николая I.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ВОЗЛАГАЕТЪ НА ГРАФА СПЕРАНСКАГО ОРДЕНЪ СВ. АНДРѢЯ 1833. Г.

КОНТРИБУЦІЯ СЪ ПЕРСІИ ВЪ 1827 ГОДУ.

Едва Турція и Персія узнали о кончинѣ Александра I, какъ возмечтали, что сила и могущество Россія, пугавшія ихъ дотолѣ, уже рушились — и онѣ безнаказанно могутъ при преемникѣ его нарушать прежніе договоры. Но, какъ Турція уже шесть лѣтъ сражалась тогда съ горстію Грековъ, измученныхъ ея тиранствомъ и взявшихся за оружіе, чтобы сбросить вѣковые цѣпи постыднаго рабства, то Николай I и не хотѣлъ начинать съ нею отдѣльной войны, а вслѣдствіе Веллингтоновскаго протокола 23 Марта 1826 года далъ слово не прежде прибѣгнуть къ оружію, какъ истощивъ всѣ средства для убѣжденія Султана къ выполненію договоровъ. Дѣйствительно, 25 Сентября была подписана съ Турціею Аккерманская конвенція, которою Султанъ обязывался исполнять всѣ условія Бухарестскаго трактата.— Но еще не успѣли подписать этаго соглашенія, какъ возсталъ новый врагъ.

Послѣ Гюлистанскаго договора (1813 года) Россія была въ мирѣ съ Персіею, хотя и происходили иногда споры о границахъ. Вдругъ извѣстіе о кончинѣ Александра I показалось Шаху самымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ отмстить Россіи за прежнія свои пораженія,—и въ ту минуту, какъ Русскій посолъ Князь Меншиковъ, прибывшій для объявленія Шаху о восшествіи на престолъ Николая I встрѣ-

чаемъ былъ въ Таврисѣ съ почестями и ласкою, всѣ Персидскія войска двинулись къ Русскимъ границамъ.

Изумленные внезапнымъ нападеніемъ, Русскіе отступили. Часть Персіянъ дошла до Елисаветполя, а главныя силы остановились у небольшой крѣпости Шиши, занятой шестью ротами. Болѣе полутора мѣсяца осаждали они ее,—и это дало время Русской арміи собраться, и разбить Персіанъ (2-го Сентября) при Шамхорѣ. Осада Шиши была снята, а 13 Сентября произошла вновь битва у Елисаветполя, которою впервые прославился знаменитый потомъ полководецъ Паскевичь.—Персіяне бѣжали за Араксъ, и возмущенныя ими ханства покорились одно за другимъ.

Весною 1827 года продолжалась кампанія, но уже Русскіе дѣйствовали теперь наступательно. Апрѣля 16 разбиты были Персіяне у Сирдаръ-Абада, а Паскевичь осадилъ Абасъ-Абадъ, который вскорѣ и сдался. Потомъ обложена была Эривань,— и 1-го Октября взята.

Повсемѣстное торжество Русскихъ образумило Персіянъ. Къ Паскевичу присланъ былъ переговорщикъ съ предложеніями о мирѣ; но какъ требованія Персіянъ были безразсудны,—то переговоры были прерваны—и военныя дѣйствія возобновились.—Января 15 занята была Урмѣя, а 25 крѣпость Ардебиль.—Новые эти успѣхи принудили окончательно Персіянъ къ миру,—и 10 Февраля 1828 года былъ подписанъ знаменитый Туркманчахскій трактатъ. Россія пріобрѣла Ханства Эриванское и Нахичеванское, получивъ 20 милліоновъ рублей серебромъ контрибуціи.

14 Марта привезъ этотъ трактатъ въ С.-Петербургъ извѣстный въ литературномъ мірѣ г. Грибоѣдовъ.—Признательный Монархъ вознаградилъ подвиги Паскевича пожалованіемъ его Графомъ съ славнымъ наименованіемъ Эри-

ванскаго. Сверхъ того далъ ему изъ Персидской контрибуціи милліонъ рублей, осыпалъ многочисленными милостями и ратныхъ его сотоварищей.

Персидская кампанія знаменита многими особенными чертами и подвигами.—Никогда еще Суворовскіе переходы не возобновлялись съ такою изумительною быстротою, какъ здѣсь. Съ 21 Іюня до 26 Паскевичь прошелъ 180 верстъ въ жары, простиравшіеся въ тѣни до 33°.—Потомъ осаждая крѣпость Абасъ-Абадъ, Паскевичь вдругъ получилъ извѣстіе, что сорокатысячная армія, предводимая Аббасъ-Мирзою, идетъ на выручку крѣпости, и ни минуты не колеблясь, оставилъ подъ крѣпостію восемь баталіоновъ, а самъ двинулся съ главными силами на встрѣчу непріятелю, разбилъ его, преслѣдовалъ и въ туже ночь возвратился къ осаждаемой крѣпости, которая, узнавъ о пораженіи своей арміи, принуждена была покориться. И всѣ эти переходы отъ крѣпости къ полю битвы, къ дальнѣйшему преслѣдованію непріятеля и къ возвращенію подъ крѣпость Абасъ-Абадъ произвелъ *онъ* безъ отдыха, безпрестанно сражаясь, поражая и преслѣдуя. Подобные сказочные подвиги болѣе всего дѣйствуютъ на воображеніе восточныхъ народовъ, — и Персіяне ясно поняли, что они не въ состояніи бороться съ Русскими.

Другою отличительною чертою Паскевича была его рѣшимость. Переговоры у восточныхъ народовъ всегда означаютъ желаніе выиграть время и найти случай обмануть противника. Для этой цѣли начали и Персіяне 4 Ноября 1827 года переговоры,—и уже проведя нѣсколько недѣль въ безплодныхъ конференціяхъ, вдругъ Шахъ приказалъ объявить, что прежде всякаго соглашенія, онъ требуетъ, чтобъ Русскіе отступили за Араксъ и очистили Адзербиджанъ.—Того же числа Паскевичь прервалъ переговоры и возобновилъ военныя дѣйствія, которыхъ успѣхъ вскорѣ до-

казалъ Персіянамъ всю невозможность ихъ борьбы и непреклонную волю Русскаго полководца не позволять себя обманывать мнимыми переговорами.

Мы уже видѣли, что Шахъ поспѣшилъ заключить миръ.— Такимъ образомъ окончилась первая война царствованія Николая I—и она доказала сосѣдямъ Россіи, что преемникъ Александра I во все не думаетъ дѣйствовать иначе для славы и счастія своихъ подданныхъ, какъ свыше-Благословенный братъ его.

ПЕРЕПРАВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го ЧЕРЕЗЪ ДУНАЙ.

(27 Мая 1828 года).

Слишкомъ четыреста лѣтъ тому назадъ одна Азіатская орда полудикихъ Туркменцевъ вторглась въ Европу и пользуясь слабостію и раздорами между Христіанскими державами, разрушила восточную Римскую Имперію. Европа сдѣлала тогда печальную ошибку, допустивъ этой ордѣ варваровъ утвердиться въ прекраснѣйшихъ странахъ Христіанскаго міра.—Были отдѣльныя усилія нѣкоторыхъ великодушныхъ племенъ къ отраженію мусульманъ, или къ возвращенію потерянной независимости, но ни разу не было произведено общаго, благороднаго усилія, чтобъ избавить отъ ига варваровъ десять милліоновъ христіанъ мучениковъ.—А между тѣмъ военный станъ этой орды болѣе и болѣе распространялся. Была минута когда Вѣна готова была пасть подъ ея ударами; — и тогда бурный потокъ Оттомановъ разлился бы по всей Германіи. По счастію, въ главѣ одного изъ Славянскихъ племенъ былъ тогда герой Іоаннъ Собіесскій, — и онъ спасъ Вѣну. Другія державы не

думали возстать общими силами, чтобъ заставить эту орду дикарей возвратиться въ Туркменскія свои степи.

Только въ половинѣ XVIII вѣка явилась держава, которая отвергнувъ всякое своекорыстіе, рыцарски и христіански вступилась за участь единовѣрцевъ, ситадавшихъ подъ ярмомъ магометанъ. Это была Россія. — Русскіе первые научили Европу какъ побѣждать Турокъ. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ впервые далъ Христіанской державѣ право оффиціально заступаться за своихъ страдающихъ единовѣрцевъ.—Съ тѣхъ поръ всякая война Россіи съ Турціею была повтореніемъ тѣхъ побѣдъ и тѣхъ же условій, а именно: чтобъ Турки человѣческимъ образомъ обращались съ Христіанскими своими подданными. Россія всякій разъ вѣрила, что эти условія будутъ выполнены,—и—увы! ошибалась. Магометъ, основатель Исламизма, далъ послѣдователямъ своимъ коренной законъ (Коранъ), по которому дѣйствія Турокъ никогда не могли измѣниться. У нихъ нѣтъ другихъ книгъ и кодексовъ, какъ для частной и семейной жизни, такъ для войны и политики. Нарушить правила Корана, значитъ быть отступникомъ отъ Магомета. Вся Европа знаетъ содержаніе Корана; онъ переведенъ на всѣ языки, а Христіане все еще воображаютъ себѣ, что Турки могутъ преобразоваться и измѣнить правиламъ своей вѣры.

Вотъ главныя узаконенія, предписанныя Кораномъ. Правовѣрные Музульмане должны *всегда* вести войну съ противниками ислама, покуда не покорятъ ихъ. Они могутъ въ случаѣ нужды заключать иногда *перемирія*, чтобъ собраться съ новыми силами, — но давать миръ можно только побѣжденнымъ и завоеваннымъ народамъ. Всякой *невѣрный* долженъ считаться *джяуромъ* (собакою), служить невольникомъ правовѣрному. Имущество, стада, жены,

дѣти невѣрнаго и голова его принадлежатъ правовѣрному,— но онъ можетъ позволить ему пользоваться ими съ полученіемъ за то ежегоднаго окупа (харгачь). Всякое обѣщаніе и клятва, данныя Христіанину, ничего не значатъ и не къ чему не обязываютъ. Война за всемірное торжество Ислама должна занимать прововѣрныхъ во всю жизнь и во всѣ времена. Земледѣліемъ и скотоводствомъ должны заниматься *раіи* (христіанскіе подданныя). Всякое отступленіе отъ Корана наказывается и здѣсь и по смерти казнію и мученіемъ.

Вотъ основный законъ политики и религіи Турокъ.— Притомъ же у нихъ не существуетъ то, что въ Европѣ привыкли называть державою, Имперіею, Государствомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ они полудикою ордою вторглись въ Европу, они ни въ чемъ не измѣнились. Это все тѣже Туркменцы Ортогула, разбившіе свой побѣдный лагерь на развалинахъ Восточнаго Рима. Султаны ихъ все тѣже военные предводители, которые должны ихъ вести къ побѣдамъ; тѣже блюстители законовъ Корана. У нихъ нѣтъ столицъ: у Султана есть *главный станъ*,—и повелѣнія его принимаются у *подножія стремени*. У нихъ нѣтъ *народа* и *національности:* есть войско, есть правовѣрные—властители и *раіи*—невольники. У нихъ нѣтъ кодекса и суда,— а есть право меча; они не знаютъ общенародныхъ правъ,— а одинъ свой Коранъ.

Западная Европа придумала въ послѣдствіи такъ называемый *восточный вопросъ*, но временныя выгоды каждой державы измѣнятся и изчезнутъ, а останется все таже борьба между крестомъ и полумѣсяцемъ, между Евангеліемъ и Кораномъ, между Христіанами и изступленными поклонниками Магомета.

Можно ли же послѣ этаго было когда нибудь Европѣ думать, что Турція сохранитъ условія своихъ съ ней договоровъ. Мы уже видѣли, что въ 1826 году заключена была въ Акерманѣ конвенція съ Турціею, но 8 Декабря 1827 Султанъ издалъ свой знаменитый Хатти-Шерифъ, въ которомъ говорилъ: «всѣмъ здравомыслящимъ людямъ извѣстно, что всякій музульманинъ естественно есть смертельный врагъ невѣрныхъ, — а невѣрный — смертельный врагъ мусульманъ. Россія въ безумныхъ замыслахъ своихъ противъ Порты, воздвигла бунтъ Грековъ, искони единовѣрцевъ своихъ. Чрезъ происки ея Англія и Франція вступили въ согласіе съ нею и требовали отъ блистательной Порты даровать независимость Грекамъ. Очевидно, какъ ясный день, что вслѣдствіе этой независимости невѣрные захватятъ подъ свое владычество Европейскія и Христіанскія области, обитаемыя Греками и наконецъ поставятъ райевъ наряду съ Музульманами, и обратятъ наши мечети въ церкви, будутъ въ нихъ звонить въ колокола.

«Основываясь на этихъ принципахъ духовныхъ, политическихъ и гражданскихъ, и зная, что отвѣтъ на подобныя предложенія надобно будетъ дать съ мечемъ въ рукахъ, мы старались выиграть время переговорами, чтобъ успѣть сдѣлать надлежащія приготовленія. Даже въ прошломъ году нелѣпыя предложенія Россіи въ Акерманѣ не могли быть приняты, но мы согласились на нихъ, въ ожиданіи благопріятнаго случая. Кому неизвѣстно вѣроломство Россіи, Англіи и Франціи въ Наваринской битвѣ! Этимъ самымъ державы тѣ нарушили миръ и объявили намъ войну. Но, уступая обстоятельствамъ, мы молчали и обходились дружески, принявъ видъ будто бы вѣримъ ихъ посланникамъ.— Но въ самомъ дѣлѣ мы бы поступили противъ нашей вѣры, еслибъ исполнили ихъ требованія. Это бы значило предать

подлымъ невѣрнымъ наши области, нашихъ женъ и дѣтей.— Нѣкогда невѣрныя царствовали по всему міру, но со временемъ побѣда перешла на нашу сторону. Мы сотни тысячь разъ и сотни тысячь людей предавали мечу. Такъ будетъ и теперь. Мы вездѣ сокрушимъ подлыхъ невѣрныхъ.»

Этотъ Хатти-Шерифъ лучше всего доказывалъ, что̀ значитъ Турція и Исламизмъ: считать весь Христіанскій міръ вѣчнымъ себѣ врагомъ; заключать трактаты, чтобъ выиграть время: ужасаться при одной мысли, чтобъ музульманинъ могъ быть сравненъ въ правахъ съ подлымъ Христіаниномъ и почитать всю Европу за одинъ народъ *невѣрныхъ*.

На это воззваніе Султана Николай I-й обнародовалъ 14 Апрѣля 1828 года Манифестъ, въ которомъ, изложивъ всѣ нарушенія договоровъ Портою, объявилъ, что удостовѣрясь въ необходимости войны, съ прискорбіемъ, но вмѣстѣ и твердою увѣренностью въ правотѣ своего дѣла, онъ повелѣлъ своимъ войскамъ двинуться на врага, поправшаго святость мирныхъ союзовъ, и общенародныхъ правъ.

По первоначальному плану кампаніи одинъ корпусъ (6-й) долженъ былъ въ половинѣ Апрѣля двинуться къ Букаресту, и быстрымъ занятіемъ Молдавіи и Валахіи предупредить вторженіе Турокъ въ эти Княжества, а другой корпусъ (7-й) долженъ былъ обложить Браиловъ; 3-й корпусъ долженъ былъ переправиться черезъ нижній Дунай, и дѣйствуя противъ Тульчи, Исакчи, Мачина, занять Бабадагъ и проникнуть до Траянова вала, гдѣ ожидать сосредоточія другихъ войскъ.—Съ азіятской стороны назначенъ былъ корпусъ Графа Паскевича-Эриванскаго.—Отдѣльный корпусъ отправленъ былъ изъ Севастополя для осады Анапы (Князя Меншикова).

По этому плану 25 и 26 Апрѣля 6-й и 7-й корпуса перешли черезъ Прутъ. Въ тотъ же день заняты были Яссы,

а черезъ пять дней Букарестъ. Главныя же силы обложили Браиловъ 29 Апрѣля подъ начальствомъ Великаго Князя Михаила Павловича. Сила Русской арміи, предназначенной для этой войны, состояла изъ 113,108 человѣкъ. Ею предводительствовалъ герой, 1812 года Графъ Витгенштейнъ.—Самъ Государь Императоръ прибылъ къ арміи, чтобъ раздѣлять съ нею труды и опасности.

8-го Мая обозрѣвалъ онъ мѣстоположеніе Браилова и самъ назначилъ мѣста атаки. Рѣшено было открыть въ ночь 14 Мая вторую паралель (не дѣлая первой); 15 числа заложены были три демонтиръ-батареи, а 21 повели подступы летучею сапою и зигзагами; 23 Мая заложена была третья паралель, 27 Мая совершилось въ присутствіи Императора переправа черезъ Дунай, и онъ самъ переѣхалъ на лодкѣ на правый берегъ (смотри прилагаемую картину). Началась кампанія 1828 года.

ОСАДА ВАРНЫ 1828. Г.

ОСАДА ВАРНЫ 1828 ГОДА.

Тотчасъ же послѣ переправы черезъ Дунай обложена была крѣпость Исакчи, которая и сдалась 30 Мая.—1 Іюня Генералъ Ридигеръ занялъ Бабадагъ и 4 числа обложилъ Кюстенджи. Другіе отряды приступили къ Мачину, Тульчѣ, Гирсову,—а главныя силы достигли 6 Іюня до Траянова вала. Здѣсь Государь Императоръ получилъ извѣстіе о взятіи Браилова, гдѣ послѣ пріуготовительныхъ работъ и взрывовъ минъ произведенъ былъ 3 Іюня штурмъ; но онъ не имѣлъ успѣха. Впрочемъ, Турки видѣли уже, что имъ нельзя держаться и прислали парламентеровъ для заключенія Капитуляціи. Іюня 7 Русскіе вступили въ Браиловъ съ музыкою и барабаннымъ боемъ.

Черезъ день послѣ этого часть Некрасовцевъ (потомковъ Донскихъ казаковъ), удалившихся изъ Россіи во времена Булавинскаго бунта въ 1708 году, прислала депутатовъ для изъявленія своей покорности.

24 Іюня Императоръ выступилъ изъ Карасу, а на другой день авангардъ занялъ Базарджикъ. Здѣсь произошло жаркое сраженіе. Турки нѣсколько разъ бросались на Русскій авангардъ, чтобъ вытѣснить его изъ Базарджика, но всякой разъ были отражаемы.

Въ Базарджикѣ Государь Императоръ получилъ донесе-

ніе отъ Князя Меншикова о взятіи Анапы. Экспедиціонная эскадра вышла изъ Севастополя 24 Апрѣля и прибыла къ Анапѣ 2 Мая. Началась осада, и не смотря на всѣ нападенія Горцевъ, открыта была 6 Мая вторая паралель. 28 Мая было жаркое сраженіе съ горцами, которые были поражены. Тогда открыли третью паралель, — и 9 Іюня траншея доведена была до гребня Гласиса. Всѣ приготовленія къ штурму были уже сдѣланы, но осажденные не дождались и вступили въ переговоры. Крѣпость сдалась 12 числа.

Но обратимся къ главному пункту военныхъ дѣйствій. Изъ Базарджика предстояло Русской арміи итти на Шумлу, или на Варну. По плану Главнокомандующаго, рѣшено было взять Варну, какъ опорную точку у Чернаго моря, но чтобъ скрыть это намѣреніе отъ непріятеля, начали наступательныя дѣйствія противъ Шумлы. Еслибъ непріятель рѣшился на генеральное сраженіе, то побѣда сдѣлала бы завоеваніе Варны очень легкимъ. Іюня 4 Главная армія выступила изъ Базарджика и на другой день пришла въ Козлуджи. Здѣсь Государь Императоръ лично обозрѣвалъ окрестность,—и общее движеніе къ Шумлѣ началось 8 числа.

Турецкая 50,000 армія стояла на берегахъ болотистаго ручья Буланлыка, и конница ихъ первая бросилась на Русскіе каре,—но будучи встрѣчена сильнымъ огнемъ пуль и картечи, отхлынула съ большою потерею. Вся Русская линія двинулась тогда скорымъ шагомъ на непріятеля съ крикомъ ура! Турки нигдѣ не устояли и обратились въ бѣгство и собрались уже подъ прикрытіемъ батарей Шумлы,—а Русская армія расположилась на мѣстахъ, съ которыхъ прогнала непріятеля. Императоръ провелъ здѣсь ночь на бивакахъ.

Шумла всегда была предѣломъ нашихъ успѣховъ. Въ послѣдній разъ Графъ Каменскій сильно тѣснилъ ее, но принужденъ былъ отступить. Сдѣлано было обозрѣніе крѣпости—и оказалось, что она совершенно въ томъ же положеніи, какъ была во времена Каменскаго. Самъ Государь Императоръ назначилъ мѣста редута и редапта. Іюня 16 сдѣлали Турки сильную вылазку, но послѣ жаркаго боя отступили. Покушеніе возобновлялось и на другой день, но съ такимъ же неуспѣхомъ. Іюня 20 получено было извѣстіе, что флотъ нашъ съ десантнымъ корпусомъ, осаждавшимъ Анапу, прибылъ. Это было условленная минута, что бы главныя силы Русскихъ тотчасъ же обратились отъ Шумлы къ Варнѣ, оставя только одинъ корпусъ, чтобъ удержать Турокъ послѣдовать за нами.

Князь Меншиковъ, прибывшій изъ Анапы, былъ назначенъ начальникомъ осады Варны. Государь Императоръ, пріѣхавъ изъ подъ Шумлы 24 Іюня, осмотрѣлъ позицію осаднаго корпуса и отдавъ надлежащія приказанія, отправился въ Одессу для осмотра резервовъ.

Первую вылазку изъ Варны, сдѣлалъ непріятель 26 Іюля, вторую 29, но обѣ были отбиты. Въ ночь на 7 Августа заложена была 1 паралель въ 117 саженяхъ отъ вала. 9 числа Турки сдѣлали опять вылазку и были сильно поражены, но при этомъ случаѣ раненъ былъ Князь Меншиковъ,—и сдалъ команду Генералу Перовскому. 23 Августа подошли къ осадному корпусу первые отряды Гвардіи, которые заняли позицію къ югу Варны—и съ той минуты она была уже совершенно обложена. 27 Августа возвратился въ лагерь Государь Императоръ—и осадныя работы дѣятельно пошли теперь впередъ. 10 Сентября произошло на южной сторонѣ неудачное для Русскихъ дѣло. Два батальона Гвардейскаго Егерскаго полка

подъ командою Графа Залусскаго, отправленные для фуражировки, натолкнулись на превосходныя силы непріятеля и были почти истреблены.

11 Сентября осадный корпусъ усиленъ былъ отрядомъ Генерала Бистрома. Но въ это время явился близъ Варны Турецкій 30,000 корпусъ Омеръ-Вріоне,—и Бистромъ долженъ былъ 16 числа выдержать въ одно время сильную вылазку изъ крѣпости и жестокое нападеніе Омеръ-Вріоне. Онъ отразилъ со славою обоихъ. 17 числа сами Русскіе атаковали Турецкій корпусъ и принудили Омеръ - Вріоне отступить и окопаться, лиша его надежды пробиться къ Варнѣ. Послѣ нѣсколькихъ неуспѣшныхъ вылазокъ со стороны Турокъ, взорваны были 21 и 22 Сентября три мины, которыя и произвели обвалы, удобные для приступа. Уже все было готово къ нему; но начались переговоры о сдачѣ, не разъ прерываемые и возобновляемые,—и капитуляція была заключена.

30 Сентября совершено уже было торжественное молебствіе на площади Варны; знаменитая эта крѣпость пала къ ногамъ Николая I,—и онъ, въѣзжая въ городъ, сказалъ: «смерть Владислава отомщена». (Извѣстно, что Польскій Король Владиславъ былъ разбитъ Турками и погибъ въ сраженіи при Варнѣ).

Осыпавъ весь осадный корпусъ своими Монаршими милостями, Государь Императоръ отправился 21 Октября въ Одессу, а оттуда въ С.-Петербургъ, предоставя окончить компанію своему полководцу.

Впрочемъ, при наступленіи дурнаго времени года Русскія войска размѣстились на зимнія квартиры, чтобъ весною начать новую, рѣшительную компанію.

Рис. на камнѣ П. Ивановъ

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЪ 1829. Г.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ ВЪ 1829 ГОДУ.

Непрежде 1 Мая 1829 года возобновилась опять кампанія—и вмѣсто Графа Витгенштейна назначенъ былъ Главнокомандующимъ Графъ Дибичь.—Вступленіе его ознаменовано было извѣстіемъ о взятіи Сизополя Контръ-адмираломъ Кумани.

Къ 1-му Мая вся Русская армія собралась у Черноводъ и двинулась къ Силистріи, которую и обложила, а 13 числа заложила первую паралель. Турки сдѣлали было сильную вылазку, но были отбиты. Въ ночи съ 22 на 23 Мая приступили къ заложенію второй паралели; но въ тоже время получено было извѣстіе, что великій визирь съ главными силами укрѣпился въ Туркъ-Арнаутъ-Ларѣ—и Дибичь рѣшился съ частію войскъ двинуться къ нему на встрѣчу. 29 числа явился онъ на высотахъ Енибазара—и опрокинулъ авангардъ визиря. Главныя силы Русскихъ расположились у селенія Модарды фронтомъ къ Праводамъ, то есть въ тылу великаго визиря, который воображая себѣ, что передъ нимъ не можетъ быть самъ Дибичь, быстро двинулся къ Кулевчи, чтобъ подавить Русскихъ.—

30-го Мая произошла знаменитая битва. Долго Турки съ яростію бросались на наши каре,—и вездѣ были отражаемы. Вдругъ однимъ нечаяннымъ Русскимъ выстрѣломъ взорвано было у Турокъ нѣсколько зарядныхъ ящиковъ—и въ

арміи ихъ распространился панический страхъ. Всѣ бросились бѣжать по Кулевчинской тѣснинѣ, бросивъ весь свой лагерь, всю артиллерію, множество припасовъ и 2,000 плѣнныхъ. Русскіе устремились преслѣдовать ихъ: всѣ дороги завалены были обозами, ящиками, фуражемъ. Немногіе изъ бѣгущихъ успѣли съ визиремъ достигнуть до Шумлы.—

Въ это время осада Силистріи дѣятельно продолжалась. Къ сожалѣнію проливные дожди заливали траншеи и батареи. Турки почти ежедневно дѣлали вылазки. Русскіе съ своей стороны взорвали 8-го числа четыре—мины и рѣшительная минута приступа уже наступала. Но Турки вступили 9-го числа въ переговоры, которые нѣсколько разъ были прерываемы, чтобъ продолжать подступы,—и только 18 числа заключена была капитуляція. Войска остались военно-плѣнными, а жители могли выѣхать куда угодно безъ оружія. Такъ пала и Силистрія съ 9,000-нымъ гарнизономъ и съ 253 пушками.

Съ паденіемъ Силистріи Дибичь рѣшился совершить переходъ черезъ Балканы.—Эта цѣпь горъ на 320 верстъ протяженія составляетъ важнѣйшую защиту Константинополя съ сѣверной стороны. На всемъ этомъ пространствѣ только восемь проходовъ, возможныхъ для движеній войскъ. Но Турки нигдѣ ихъ неукрѣпили. — Впрочемъ, чтобъ скрыть свой планъ отъ Турокъ, Дибичь велѣлъ осадному корпусу изъ подъ Силистріи двинуться къ Шумлѣ, чтобъ увѣрить Турокъ, будто бы Русскіе теперь займутся осадою Шумлы. А въ дѣйствительности онъ хотѣлъ перейти черезъ Балканы близь моря, гдѣ флотъ могъ содѣйствовать ему.

Главныя силы его состояли тогда изъ 40,000 человѣкъ,—и онъ намѣренъ былъ переправиться черезъ Камческъ, а потомъ двинуться черезъ Большія Балканы, гдѣ Турки имѣли укрѣпленные посты, защищаемые 18,000 человѣкъ.—Дви-

женіе началось 6-го Іюля и послѣ нѣкотораго сопротивленія переходъ черезъ Камческъ былъ совершенъ,—а 8-го Іюля колонна генерала Рота достигла до Паліобана, господствующаго пункта большихъ Балкановъ. Въ тоже время флотъ нашъ явился у Мисемвріи и бомбардировалъ его.—10-го Іюля Русскіе начали уже спускаться съ Балкановъ. Тутъ встрѣчены они были 7,000-мъ корпусомъ Турокъ, но отразили его, разсѣяли и продолжали путь.

12 Іюля отправленъ былъ Русскій авангардъ къ Бургасу, а главныя силы двинулись къ Айдосу. Гарнизонъ Бургаса вышелъ было изъ крѣпости, чтобъ сразиться съ Русскими, но былъ разбитъ, и преслѣдуя его, Русскіе вмѣстѣ съ нимъ вошли въ городъ.—Генералъ Ридигеръ взялъ съ другой стороны Айдосъ.

Такимъ образомъ совершенъ былъ знаменитый въ исторіи переходъ Русскихъ черезъ Балканы,—и Императоръ Николай I обезсмертилъ этотъ подвигъ, пожаловавъ Дибичу титулъ *Забалканскаго*.

31 Іюля Русскіе заняли Сливно,—и послѣ суточнаго отдыха, Дибичь двинулся къ Адріанополю. Не смотря на сильнѣйшіе жары, войска наши дѣлали переходъ по 50 верстъ.

7-го Августа вся армія приблизилась къ Адріанополю, гдѣ былъ 13,000 гарнизонъ и 18,000 вооруженныхъ граждамъ. Но Туркамъ и въ мысль не пришло сражаться. Они были поражены такимъ паническимъ страхомъ при появленіи Русскихъ, что не принимали никакихъ мѣръ, ни къ защитѣ города, ни къ отступленію. Дибичь потребовалъ, чтобъ войска положили оружіе; тогда Пашамъ позволялось отступить, но не къ столицѣ, а къ Филиполю, или Демотикѣ. Турки приняли эти условія,—и 8 Августа Русскія знамена развѣвались на стѣнахъ Адріанополя.

Въ Константинополѣ распространился страхъ и смятеніе;

жители волновались,—и на площадяхъ раздавались крики мятежа. Но юный Монархъ Россіи, видя у ногъ своихъ безсильную и беззащитную Турцію, хотѣлъ доказать всей Европѣ, что не тщетное славолюбіе, или жажда къ завоеваніямъ руководствуютъ его высокими помышленіями, а единственно желаніе принудить Порту къ добросовѣстному выполненію прежнихъ трактатовъ. Дибичь, упираясь лѣвымъ флангомъ на Русскій черноморскій флотъ, а правымъ на Архипелагскій, обхватывалъ уже Константинополь. Еще бы нѣсколько Русскихъ переходовъ,—и древняя Византія, Стамбулъ Оттомановъ,—палъ бы къ ногамъ Николая I-го. Но Султанъ, видя, что всѣ средства его истощены и что завистливая политика западной Европы безсильна для спасенія его, отправилъ уполномоченныхъ въ Русскую главную квартиру—и 18 Августа начались переговоры о мирѣ.—

Онъ былъ подписанъ 2 Сентября Генералъ-Адъютантомъ Графомъ Орловымъ и Тайнымъ Совѣтникомъ Графомъ Паленомъ.—17 Октября происходилъ размѣнъ ратификацій,—а 19 Октября послѣдовалъ Высочайшій Манифестъ, съ обнародованіемъ результата всей кампаніи. Николай I-й возвратилъ великодушно Султану все, что оружіемъ и кровью было завоевано до Адріанополя,—и только въ Азіи для безопасности своихъ предѣловъ присоединилъ къ Русскимъ владѣніямъ, Анапу, Поти, Ахалцыхъ, Акцуръ и Ахалкалаки.—Цѣль войны казалась достигнутою тѣмъ, что Порта обязалась исполнить во всей силѣ всѣ прежніе трактаты о сравненіи Христіанскихъ своихъ подданныхъ съ мусульманскими.—Дальнѣйшія событія доказали, что она никогда серьезно объ этомъ не думала.

—

Хотя участь войны и рѣшена была въ Европѣ смѣлымъ переходомъ за Балканы, занятіемъ Адріанополя и прибли-

женіемъ къ Стамбулу, но для полноты картины должны мы сказать нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ Азіатской Турціи.

Тамъ былъ Главнокомандующимъ герой Персидской войны Паскевичъ. Съ самыми малыми средствами произвелъ онъ тамъ чудеса. Имѣя до 16,000 войска, онъ вдругъ очутился между 60,000 арміею Гахки-паши и корпусомъ Эрзерумскаго паши. Онъ рѣшился по очереди разбить ихъ, хотя былъ слабѣе каждаго изъ нихъ.—19 Іюня обратился онъ на Сераскира, который тотчасъ же обратился въ бѣгство; потомъ 20 числа двинулся противъ Гахки-Паши, и одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду.—Слѣдствіемъ этаго двойнаго торжества было взятіе Эрзерума. Никогда еще Русскіе не заходили такъ далеко, но занявъ Эписъ и Бейбуртъ, они уже угрожали Трапезонту, какъ вдругъ получено извѣстіе о заключеніи Адріанопольскаго мира.

—

Флотъ нашъ также дѣйствовалъ въ эту войну со всегдашнею своею славою. Въ черноморскомъ осталось въ исторіи два достопамятныхъ факта: — 18-ти пушечный бригъ Меркурій настигнутъ былъ двумя Турецкими линейными кораблями о 110 и 74 пушкахъ—и выдержавъ съ ними небывалый бой цѣлые три часа, принудилъ ихъ отказаться отъ преслѣдованія и возвратился съ невообразимою побѣдою, тогда какъ во время боя совѣтъ офицеровъ, предводимыхъ Капитанъ-Лейтенантомъ Казарскимъ, рѣшилъ взорвать себя на воздухъ.—Другой примѣръ состоялъ въ томъ, что фрегатъ Рафаилъ, настигнутый Турецкимъ флотомъ, сдался безъ сопротивленія.

ПРИБЫТІЕ
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВЪ МОСКВУ,
во время холеры въ 1831 году.

Два тяжкія испытанія предстояли сердцу Императора Николая I въ 1830 году. Первое состояло въ извѣстіи, что холера появилась въ разныхъ мѣстахъ Южной Россіи. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ обнаружилась она (1817) въ Астрахани а въ 1829 году въ Оренбургѣ, но вскорѣ изчезла, и всѣ думали, что Божья гроза пронеслась мимо. Теперь вдругъ показалась она въ Елизаветполѣ, Тифлисѣ, Астрахани, Царицынѣ, Саратовѣ и на Дону, а наконецъ въ Пензѣ.

9-го Сентября учреждена была центральная Коммисія для пресѣченія холеры. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Графъ Закревскій представилъ по этому докладную записку, на которой Государь Императоръ надписалъ:

«Велѣть Комитету Министровъ экстренно собраться завтра въ полномъ числѣ наличныхъ членовъ и разсмотрѣть нѣтъ ли еще чего прибавить къ предположеніямъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, которыя я одобряю, и немедленно мнѣ донести завтра вечеромъ.»

ПРИБЫТІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВЪ МОСКВУ ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ 1831. Г.

Комитетъ Министровъ, сдѣлавъ нѣкоторыя дополненія, представилъ ихъ Государю Императору. Онѣ были Высочайше утверждены, и повелѣно Графу Закревскому тотчасъ же отправиться въ мѣста, гдѣ появилась холера. Составлена была упомянутая коммисія подъ председательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Энгеля; приняты тотчасъ же всѣ карантинныя мѣры и даже остановленъ рекрутскій наборъ.

Двадцать восемъ лѣтъ протекло теперь съ перваго вторженія этой ужасной болѣзни. Она обошла весь шаръ земной; по нѣскольку разъ возвращалась въ иныя мѣста; всѣ правительства предлагали премія и награды за открытіе элементовъ этой язвы и вѣрныхъ средствъ къ ея излеченію. Врачи всего міра истощили всѣ теоретическія умствованія, всѣ практическіе опыты, и все еще мы не знаемъ происхожденія этой болѣзни, способа распространенія ея и средствъ къ вѣрному излеченію. Прежде всего спѣшили тогда принять карантинныя мѣры, и хотя это средство повидимому удерживало порывъ эпидеміи, но вскорѣ открылось, что она вдругъ перескакивала мимо карантиновъ, на огромныя пространства. Сперва боялись даже прикосновенія къ больному, полагая что, какъ въ восточной чумѣ, холера передается прикосновеніемъ. Вскорѣ и это было опровергнуто опытомъ. Принуждены были рѣшить, что міазмъ этой болѣзни развивается въ воздухѣ и съ воздухомъ передается; что прикосновеніе больнаго не заражаетъ, а быстрое разложеніе умершаго отъ холеры поражаетъ; что для воспріимчивости этой болѣзни организмъ долженъ уже быть приготовленъ; но страхъ, безпокойство, внезапныя и сильныя ощущенія болѣе всего располагаютъ къ холерѣ, столько же какъ невоздержаніе въ пищѣ. Наконецъ новѣйшія наблюденія открыли, что самый составъ атмосферическаго воздуха измѣняет-

ся во время эпидеміи и въ немъ ощутительна бѣдность азота (кислородъ, измѣнившійся отъ дѣйствія воздушнаго электричества.) Вѣрныхъ же средствъ къ излеченію открыто кажется столько же, сколько было и врачей, потому что у всякаго своя метода. (Теперь по многочисленнымъ опытамъ убѣдились въ превосходствѣ системы леченія доктора Дворжака, котораго система принята и въ прочей Европѣ).

Но хорошо судить объ опасности, когда она миновалась. Теперь холера какъ бы постоянно водворилась въ С.-Петербургѣ, и дошла до степени лихорадокъ, гриппа, насморковъ. Теперь она благоразумныхъ людей учитъ только діэтѣ и воздержности, уступая всякимъ средствамъ, лишь бы они были во время употреблены. Въ 1830 году дѣло было совсѣмъ другое. Всѣхъ объялъ паническій страхъ и этимъ самымъ уже всякій готовъ былъ къ воспріятію болѣзни, которая тогда была самою злокачественною; люди, пораженные ею, падали, чернѣли и тутъ же въ судорогахъ умирали.

Наконецъ открылась она и въ Москвѣ, и въ эту-то минуту, когда ужасъ поражалъ всѣ сердца, когда всѣ почитали холеру опаснѣе чумы, потому что смерть была мучительнѣе, — вдругъ вся Россія со страхомъ и благоговѣйною благодарностію узнала, что 27-го Сентября Государь Императоръ отправился въ Москву! Презирать смерть на полѣ битвы, или во время бури — составляетъ долгъ каждаго благороднаго сердца, но рѣшиться идти на сомнительную борьбу съ грозною эпидеміею, которой свойства и дѣйствія были такъ ужасны, это могъ только Русскій Царь, потому что провидѣніе, кромѣ власти самодержавія, возложило на него еще святѣе и драгоцѣннѣе долгъ отца русскаго народа. Можетъ быть сердцу Николая I-го черта этаго геройскаго самоотверженія и казалась весьма обыкновенною и естествен-

ною, но народъ тѣмъ выше оцѣнилъ ее, а исторія обязана ее вписать золотыми буквами въ свои скрижали.

Трудно описать чувство московскихъ жителей при встрѣчѣ своего Отца-Монарха. Радостными слезами и сердечнымъ своимъ восторгомъ старались они доказать, что стоятъ такой высокой жертвы. При въѣздѣ въ Кремль, Императоръ остановился у Иверскихъ воротъ и приложился къ образу. Народныя толпы окружили его и громогласно молились о Его здравіи «Отецъ ты нашъ»! кричали они со всѣхъ сторонъ; «мы знали, что ты будешь. Гдѣ бѣда, тамъ и Ты!»

Московскій митрополитъ Филаретъ встрѣтилъ Его съ крестомъ въ Успенскомъ Соборѣ и сказалъ ему между прочимъ:

«Такое Царское дѣло (пріѣздъ Его) выше славы человѣческой, поелику основанъ на добродѣтели христіанской.... Съ крестомъ встрѣчаемъ тебя, Государь; да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь.

Дѣйствительно, мѣры принятыя по повелѣнію Государя, вскорѣ ослабили жестокость болѣзни, такъ что Онъ пробывъ въ Москвѣ до 5-го октября, выѣхалъ оттуда, и 8-го остановился въ Твери, гдѣ назначено было всѣмъ проѣзжающимъ останавливаться въ карантинѣ на опредѣленное число дней. Самъ законодатель подалъ примѣръ, какъ должно уважать законъ, и пробылъ въ Твери назначенный постановленіями срокъ, а 20-го Октября возвратился въ С.-Петербургъ.

Холера мало по малу ослабѣла и прекратилась. Петербургъ отдохнулъ, полагая, что язва не пойдетъ такъ далеко на Сѣверъ. Въ первыхъ городахъ, куда вторглась болѣзнь, похищала она десятую часть народонаселенія. Въ Москвѣ только $^1/_{60}$ (до 15,000 человѣкъ).

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НА СѢННОЙ ПЛОЩАДИ

ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ 1831 ГОДА.

Еще въ прошломъ 1830 году, когда въ С.-Петербургѣ узнали о появленіи холеры въ Москвѣ, всѣ жители сѣверной столицы пришли въ ужасъ. Во всѣхъ домахъ стояла хлоровая вода, деготь, вездѣ курили уксусомъ, — словомъ принимали всѣ мѣры какъ бы отъ наступленія чумы; — но присутствіе Государя Императора въ Москвѣ, разныя благодѣтельныя распоряженія къ ослабленію эпидеміи, а наконецъ и самое ослабленіе болѣзни — прекратили въ Москвѣ эту ужасную язву. Все это время ожидали ее изъ Москвы, по причинѣ безпрестанныхъ сношеній; но прошла зима; — а въ Петербургѣ все ее не было. Начинали надѣяться, что сѣверная столица избѣжитъ этаго бича.

Вдругъ она явилась вовсе съ неожиданной стороны. 28 Мая пришла одна сойма изъ Вытегры, но на ней до 14-го Іюня, всѣ были здоровы. 14 числа заболѣлъ одинъ работникъ съ этого судна. Признаки болѣзни похожи были на холеру, но ему подали медицинское пособіе и онъ выздоровѣлъ. Того же числа одинъ работникъ живописнаго мастера заболѣлъ въ той же части города со всѣми признаками холеры, и въ тотъ же день умеръ, 16 числа въ той же части заболѣлъ одинъ будочникъ и литейный ремесленникъ; во 2-й

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НА СѢННОЙ ПЛОЩАДИ ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ 1831. Г.

Адмиралтейской части маркеръ въ трактирѣ, а въ артиллерійскомъ госпиталѣ одинъ школьникъ; первые двое въ тотъ же день умерли. И такъ не оставалось сомнѣнія, что въ Петербургѣ открылась холера.

Откуда? Вопросъ этотъ долго еще не рѣшитъ наука.

Ежедневно приходили и пріѣзжали въ Петербургъ люди изъ всѣхъ концевъ Россіи. И хотя первоначально приняты были всѣ карантинныя мѣры, какъ бы отъ чумы, но безпечность Русскаго народа не вѣритъ заразительности—и когда по минованіи холеры въ Москвѣ сняты были всѣ преграды, обозы ходили по прежнему изъ всѣхъ городовъ въ Петербургъ, и болѣзнь ни откуда не заносилась. Да и при карантинахъ перескакивала она часто чрезъ оцѣпленныя мѣста на далекое пространство. Теперь вдругъ оказалась болѣзнь на соймѣ, пришедшей съ Вытегры —Но сойма уже двѣ недѣли стояла въ Петербургѣ и всѣ были здоровы;— только послѣ этого заболѣлъ одинъ, который былъ однакожъ спасенъ. Отъ этаго одного развилась болѣзнь съ чудовищною силою—какъ это объяснить?

Тотчасъ же по Высочайшему повелѣнію составленъ былъ Комитетъ для принятія мѣръ противу распространенія холеры. Въ каждой части города назначено по одному Попечителю. Предписаны были чрезъ полицію всѣмъ жителямъ мѣры предосторожности; учреждены временныя больницы (десять); и безъ различія званія велѣно было принимать больныхъ въ ближайшія изъ нихъ.

Сильно развилась болѣзнь и поразила всѣхъ ужасомъ; каждый врачъ былъ новичекъ въ этомъ дѣлѣ и лечилъ по внушенію. Но вѣрнаго, спасительнаго средства не было. Одно нечаянно найденное крестьянами средство подало потомъ самую зловредную мысль.—Не вѣря въ существованіе эпидеміи, простой народъ видѣлъ только ея дѣйствіе. Рвота,

часто происходящая въ сельскомъ быту отъ объяденія ядовитыми грибами и отравленія другими веществами, пользуется всегда парнымъ молокомъ. Стали пробовать это средство—и многіе спаслись. Рвота прекращалась, больной выздоравливалъ.

Этого было достаточно, чтобъ убѣдить народъ во всеобщемъ *отравленіи.* Кѣмъ? чѣмъ? Для какой цѣли и выгоды? Объ этомъ простолюдинъ не судитъ. Тогда была война съ Поляками,—значитъ они и отравляли Русь. Врачи-нѣмцы не пособляли больнымъ:—значитъ и тѣ ихъ отравляли. Кто бывало напьется воды, съ тѣмъ сдѣлается холера,—значитъ и вода отравлена. Подозрѣніе падало на всѣхъ и на все. Водовозы запирали на замокъ отверстіе бочки и караулили за всѣми. Лавочники боялись, что квасъ ихъ отравляютъ; мясники, что говядину ихъ обсыпаютъ ядомъ.

Изъ средняго сословія каждый, выходя на улицу, старался имѣть при себѣ уксусъ, или какія нибудь капли: но горе ему, если онъ вынималъ и употреблялъ пузырекъ. Подозрѣвающій народъ воображалъ себѣ, что во всякой стклянкѣ ядъ для отравленія. Сперва все кончалось задержаніемъ подозрѣваемаго лица, но когда, не смотря но это, болѣзнь продолжала усиливаться, стали уже безъ церемоніи останавливать на улицѣ и обыскивать всякое лице, похожее на иностранца.

Правительство обнародовало эти поступки и строго воспрещало самоуправство, указывая на ослѣпленіе людей, ищущихъ мнимыхъ отравителей. Но народъ не читалъ этихъ объявленій и продолжалъ упорствовать въ своемъ буйствѣ. Увѣренный въ несуществованіи холеры, а только въ дѣйствіи отравленія, народъ бросился на больницу, бывшую на Сѣнной, перебилъ стекла, ворвался туда, повыкидалъ изъ оконъ кровати, прибилъ врачей, и только подоспѣвшій ка-

раулъ успѣлъ спасти нѣкоторыхъ. Генералъ-Губернаторъ Эссенъ, прибывшій на площадь, не успѣлъ вполнѣ успокоить народъ. Этотъ умный и дѣятельный градоначальникъ имѣлъ весьма большой недостатокъ въ глазахъ народа: онъ былъ не Русскій.

Но на другое утро пріѣхалъ самъ Императоръ. Это было великое, достопамятное, историческое явленіе. Безъ малѣйшей свиты, или конвоя, одинъ, въ дорожной колясвѣ, прибылъ онъ на площадь и сталъ посреди волнующагося народа. Ему ли было опасаться своихъ подданныхъ, своихъ дѣтей, хотя бы они были въ заблужденіи и въ ослѣпленіи? Болѣзнь, отравленіе, поляки, нѣмцы, все было забыто въ ту минуту, какъ посреди этой шумной толпы раздался голосъ Государя и Отца. Не гнѣвомъ своимъ, не наказаніемъ угрожалъ онъ ослѣпленнымъ! Толпа была предъ храмомъ Божіимъ,—и голосъ Монарха велѣлъ народу стать на колѣни и молиться! Въ одно мгновеніе ока всѣ повиновались, заплакали и пали ницъ. Съ ними вмѣстѣ сталъ молиться и Монархъ 60-ти милліоновъ за свой народъ.

Молитва и повиновеніе вызвали изъ сердца Царя отеческое прощеніе заблудшимся; одно слово Государя, одна молитва народа, и все пришло въ прежній порядокъ.

Но были мѣста въ Россіи, гдѣ голосъ и присутствіе Монарха не могли остановить изступленныхъ. Такъ напримѣръ въ Старой Русѣ и въ военныхъ поселеніяхъ гренадерскаго корпуса произошли кровавыя явленія, которыя исторія со стыдомъ и сожалѣніемъ внесла въ свои скрижали. И тамъ, не вѣря болѣзни, а подозрѣвая въ отравленіи своихъ начальниковъ, эти поселяне покусились на возстаніе и убійства.—Много невинныхъ погибло, но наконецъ ослѣпленныхъ злодѣевъ образумили, наказали и — порядокъ былъ возстановленъ.

Но мало по малу болѣзнь стала ослабѣвать и уступать врачебнымъ пособіямъ. 7-го ноября она прекратилась. Съ 14-го Іюня по 5-е ноября заболѣло 9,245 человѣкъ;—изъ нихъ умерло 4,757. Слѣдственно болѣе половины.

29-го ноября совершено было въ Зимнемъ Дворцѣ благодарственное молебствіе Господу Богу, по случаю совершеннаго прекращенія холеры.

Изъ Россіи, смертоносная болѣзнь понеслась на западъ и обошла весь шаръ земной. Если въ человѣческихъ заблужденіяхъ можетъ утѣшить то, что и другіе имъ подвержены, то русскіе могли утѣшиться, что мысль объ отравленіи и сцены буйства и безпорядковъ вездѣ обнаруживались. Только западъ не имѣлъ утѣшенія, чтобъ царское слово и православная молитва образумили ослѣпленный народъ.—

Въ 1831 году Императоръ Николай I посѣтилъ Москву и другіе города. Какъ описать повсемѣстный восторгъ народа при видѣ Царя-Отца, спасителя всей державы, одною рукою поборовшаго дерзкое возстаніе Польши, а другою врачующаго дѣтей своихъ отъ губительной болѣзни. Это было апогей его популярности,—но не подвиговъ. Еще многимъ обязана ему будетъ Россія и Европа.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ВОЗЛАГАЕТЪ ОРДЕНЪ СВ. АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННАГО НА ГРАФА СПЕРАНСКАГО.

По окончаніи войны съ Турціею и по усмиреніи мятежа въ Польшѣ—представляется для Русской исторіи семнадцатилѣтній періодъ спокойствія, мира и внутренняго развитія благосостоянія народа. Николай I находился тогда на высшей точкѣ политическаго своего могущества. Онъ могъ съ гордостію сказать, что сдѣлалъ Россію еще выше и сильнѣе, нежели она была при Александрѣ I. Но, чтобъ быть однимъ изъ величайшихъ Монарховъ всемірной исторіи, слава эта была ему не нужна: онъ пріобрѣлъ себѣ другую, лучшую, высшую. Плоды побѣдъ и завоеваній часто исчезаютъ вмѣстѣ съ тріумфаторомъ: но слава *Государя Законодателя* прочнѣе въ исторіи и благодѣтельнѣе для человѣчества.

Съ той минуты, какъ люди вздумали составить изъ себя благоустроенное общество,—имъ нужны были законы,—а иначе они жили бы только правомъ сильнаго, какъ звѣри.— Всѣ общественные законы должны быть основаны на правахъ, обычаяхъ и понятіяхъ каждаго народа,—и въ исполненіи этихъ законовъ строго, добровольно и добросовѣстно—

состоитъ высшая степень народнаго просвѣщенія —Если Россія не достигла еще до этой степени, то это не отъ недостатка доблестныхъ чувствъ, а доказательство только исторической юности нашего народа.

Въ древнія, до-историческія времена Славянскія племена широко раскинулись отъ Дуная до Новой Ладоги, отъ Тмутаракани до Западной Двины. Призваніе трехъ братьевъ Варяговъ соединило ихъ въ одно военно-политическое тѣло, которое однакоже не составляло настоящаго Государства въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, только сильное единовластіе основываетъ могущественныя державы.—Новосозданная Рюрикомъ Русь распалась на удѣлы послѣ Владиміра,—и очевидно было, что при этомъ раздробленіи она будетъ добычею перваго завоевателя.—Монголы покорили ее,—и до временъ Іоанна III существованіе Россіи было почти загадочно. Литва и Польша съ Запада, Швеція съ сѣвера отторгли у нее области, издревле ей принадлежавшія. Оставалась одна православная вѣра, которая пережила всѣ народныя бѣдствія и перевороты.

Безъ Государственной независимости не могло быть законовъ,—а безъ законовъ ничего не значили честь, нравственность, долгъ, добросовѣстность. — Еще въ первый періодъ Св. Владиміра далъ намъ Ярославъ *Русскую Правду*. Это былъ кодексъ начинающейся гражданской жизни, правъ и обязанностей всѣхъ сословій. Но это были болѣе карательные законы, а не судебные: *до настоящаго судебника* было еще далеко.

Въ періодъ удѣльной системы у каждаго Князя были свои законы, выше которыхъ была всегда воля (вѣче) народа, или военная сила Князя.—Наконецъ, когда татары покорили Россію,–остался одинъ законъ *vae victis* (горе побѣжден-

нымъ). Свобода, имущество, жизнь, честь—все зависѣло отъ произвола татаръ. Князья возводились на престолъ ярлыками Хана, или низвергались минутою гнѣва его.—Въ этотъ несчастный періодъ нашей исторіи погасли лучшія искры нашего народнаго характера. У татаръ можно было покупать правосудіе однимъ золотомъ: подкупъ и лихоимство ихъ привились къ славянскимъ нравамъ.

Наконецъ Русскіе свергли съ себя иго татаръ—и Іоаннъ IV издалъ свой *Судебникъ*,—но тутъ можно было повторить слова Цицерона: *quid leges sine moribus* (что значитъ законъ безъ нравовъ). Слишкомъ двѣсти лѣтъ рабства принесли самые печальные плоды для народной нравственности и гражданской жизни.—Періодъ самозванцевъ довершилъ всеобщее растлѣніе нравовъ. Печальное воспоминаніе, которое только для того надобно приводить себѣ на память, чтобъ вполнѣ чувствовать всю благодарность къ благословенной династіи Романовыхъ, которая возвела насъ на степень сильнаго и могущественнаго народа.

Царь Алексѣй Михайловичь, первый собиратель раздробленной Россіи, далъ ей и первые законы. Его *Уложеніе* болѣе ста лѣтъ служило потомъ основнымъ указателемъ нашего судопроизводства.—Петръ I, какъ истинный создатель *Европейской* Россіи, составилъ въ 1700 году Коммисію чтобъ сдѣлать *Сводъ* изъ уложенія Алексѣя Михайловича и изданныхъ потомъ законовъ. Въ основаніе новаго кодекса взяты были Шведскіе законы. Но это благодѣтельное предпріятіе не было исполнено.

Не прежде Екатерины II возобновилось оно. Она собрала депутатовъ всѣхъ сословій и дала имъ свой безсмертный *Наказъ*; но вскорѣ увидѣла, что для составленія прочнаго

кодекса надобно сперва образовать свой народъ, а въ особенности сословіе судей.

Александръ I учредилъ Коммисію составленія законовъ, но политическія событія слишкомъ часто отвлекали его отъ законодательства. Весь этотъ огромный трудъ достался царствованію Николая I.—Черезъ полтора мѣсяца по восшествіи своемъ на престолъ учредилъ онъ особое отдѣленіе Собственной Своей Канцеляріи для составленія *Свода Законовъ,* — и сотрудникомъ своимъ въ великомъ дѣлѣ избралъ извѣстнаго государственными заслугами Сперанскаго. — Въ 1830 году было уже издано этою Канцеляріею сорокъ-пять томовъ Полнаго Собранія Законовъ, обнародованныхъ въ теченіи 176 лѣтъ, а въ концѣ 1832 года составленъ былъ и *Сводъ* этихъ законовъ.

Вотъ славнѣйшій памятникъ великаго царствованія Николая I, хотя и до тѣхъ поръ существовалъ государственный законъ, что «нельзя отговариваться незнаніемъ законовъ»,— но очевидно было, что это незнаніе неизбѣжно. Кто могъ знать всѣ пятьдесятъ томовъ Полнаго Собранія Законовъ? Кто могъ пріобрѣсть ихъ? кто даже въ состояніи былъ отыскать въ нихъ тотъ законъ, который именно до него касается? Только съ изданіемъ *Свода,* законъ о незнаніи получалъ свою силу и дѣйствіе. Съ этой минуты ябеда, кривые толки законовъ, взяточничество и подкупы должны были упасть. Если они еще совершенно не истребились, то это доказываетъ, что истинное просвѣщеніе еще не развилось во всѣхъ сословіяхъ. Только оно одно убѣдитъ людей, что строгое исполненіе законовъ охраняетъ общества и дѣлаетъ людей счастливыми.

Николай I совершилъ великій государственный подвигъ

изданіемъ Свода Законовъ; но стараніе его о внушеніи всѣмъ Русскимъ чувствъ долга, правды и повиновенія къ законамъ еще выше и благодѣтельнѣе.

Въ прилагаемой картинѣ изображена та минута, когда признательный Монархъ возлагаетъ на графа Сперанскаго орденъ Св. Андрея Первозваннаго за труды его при изданіи Свода Законовъ.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА,

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I.

(30 Августа 1834 года).

Однимъ изъ величайшихъ и умилительныхъ празднествъ въ царствованіе Императора Николая I было открытіе памятника въ честь Императора Александра I — на площади Зимняго дворца. Этотъ колоссальный монументъ изсѣченъ былъ въ скалахъ Финляндіи и доставленъ въ С.-Петербургъ искусствомъ и усердіемъ русскаго купца Яковлева. Прекрасный этотъ монументъ вполнѣ достоинъ обоихъ Монарховъ, какъ по мысли, такъ и по исполненію. Величественность и простота колонны, на вершинѣ которой изображенъ Ангелъ съ залогомъ искупленія, лучше всего служитъ для воспоминанія того, кто посреди удивительнѣйшихъ побѣдъ сказалъ: «*Не намъ, не намъ, а имени Твоему*».

Августѣйшій преемникъ его не по одному чувству братской любви и благоговѣнія къ памяти великаго своего предшественника, назначившаго ему тронъ сильнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ, имѣлъ право соорудить ему этотъ вѣковѣчный монументъ. Онъ могъ еще въ полномъ самосознаніи сказать, что не только сохранилъ Россію на той степени величія и

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА 1. 1834. Г.

силы, какъ получилъ ее изъ рукъ брата, но еще возвысилъ и утвердилъ въ главѣ семейства Европейскихъ Державъ.

Для открытія памятника назначенъ былъ день тезоименитства Александра I (30 Августа). Вся Россія, вся Европа присутствовала при немъ. Къ числу пріятныхъ и трогательныхъ историческихъ воспоминаній принадлежитъ участіе, принятое въ этомъ торжествѣ сподвижникомъ и другомъ Александра I, Прусскимъ Королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III. Вотъ приказъ его, отданный по арміи:

«Его Величеству Императору Николаю благоугодно было воздвигнуть въ С.-Петербургѣ памятникъ въ увѣковѣченіе незабвеннаго царствованія своего брата и предшественника Императора Александра I и совершившагося въ это царствованіе славнаго освобожденія Россіи и всей угнетенной Европы.

Воспоминая мужественное участіе и знаменитые подвиги Прусскаго войска въ войну 1813, 1814 и 1815 годовъ, предпринятую на освобожденіе Европы; воспоминая всегдашнее и милостивое благоволеніе этого государя къ Прусскому войску, тѣсный, дружескій союзъ, взаимное уваженіе и военное собратство, соединяющее Россійское войско съ Прусскимъ, Его Величеству Императору Николаю угодно было изъявить желаніе, чтобъ и Прусскія войска участвовали въ торжественномъ освященіи этого памятника.

Его Королевское Величество, вполнѣ отвѣчая этому желанію, съ радостію предупредилъ его и Высочайше повелѣлъ изъ всѣхъ полковъ гвардіи и кирасирскаго имени Императора Всероссійскаго полка выбрать нѣсколько солдатъ, которые какъ представители цѣлаго Прусскаго войска, должны будутъ присутствовать при открытіи въ С.-Петербургѣ Александровской колонны.

Выборъ палъ исключительно на тѣхъ воиновъ, которые

участвовали въ достославныхъ походахъ съ 1813 по 1815 годъ,—и предпочтительно на тѣхъ изъ нихъ, которыхъ храбрость и мужество отличены, какъ Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ, такъ и Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ.

Они предпримутъ путь въ С.-Петербургъ подъ начальствомъ Его Королевскаго Высочества Принца Вильгельма Прусскаго (сына Короля), чтобъ тамъ, въ исполненіе воли Его Величества Императора Николая вмѣстѣ съ храбрымъ его войскомъ воздать еще разъ отъ лица всей Прусской арміи честь памяти Императора Александра,—и чтобъ участіемъ въ этомъ торжествѣ и воспоминаніемъ знаменитыхъ дѣлъ, совершенныхъ при Божіей помощи воинствами обѣихъ державъ во времена опасности, вновь скрѣпить союзъ взаимнаго уваженія и любви, основанный между ними, ихъ Монархами и неразрывно соединяющій оба войска».

Въ тоже время Прусскій Король писалъ къ Государю Императору изъ Теплица отъ 20 Іюня слѣдующее письмо: «Государь, любезнѣйшій братъ и зять мой! Принимая живѣйшее участіе въ открытіи памятника, который вѣкамъ грядущимъ будетъ служить свидѣтельствомъ чрезвычайныхъ усилій къ ниспроверженію нестерпимаго угнетенія и передастъ имъ славу Государя, силою великой души своей повсемѣстно возбудившаго и направившаго ихъ къ вѣрному достиженію благословенной цѣли, я искренно сожалѣю, что непреодолимымъ препятствіемъ не могу послѣдовать приглашенію Вашему и прибыть въ С.-Петербургъ. Но по истинѣ всею мыслію буду находиться при великомъ этомъ торжествѣ. Въ личное же мнѣ утѣшеніе прошу дозволенія Вашего привести въ исполненіе драгоцѣнное сердцу моему намѣреніе, согласное съ желаніемъ Вашего Императорскаго Величества, которое въ прошломъ году угодно Вамъ было изъ-

явить сыну моему Принцу Албергу. Сходно съ нимъ, позвольте, Государь, возвѣстить Вамъ о прибытіи въ С.-Петербургъ ко дню торжества отряда войскъ моихъ, составленнаго изъ 17-ти офицеровъ и 38 солдатъ моей гвардіи и полка Вашего Величества, участвовавшаго въ знаменитыхъ кампаніяхъ того времени. Этотъ отрядъ, ввѣренный сыну моему Принцу Вильгельму, будетъ въ этомъ случаѣ представителемъ всей моей арміи, которая гордится еще воспоминаніемъ эпохи, навсегда незабвенной братскимъ союзомъ своимъ съ мужественными Русскими воинами и одобреніемъ Того, который, открылъ ей путь къ побѣдамъ, не дѣлалъ никакого различія между ею и собственнымъ своимъ войскомъ.

Удостойте, Государь, Вашею благосклонностію посылаемый отрядъ. Увѣренный въ Вашемъ согласіи, я отправляю его, не ожидая Вашего отвѣта.

Примите увѣреніе въ неизмѣнной моей привязанности и въ высокомъ уваженіи, съ которыми пребываю, Государь, Вашего Императорскаго Величества тесть Фридрихъ-Вильгельмъ».

Приказомъ Государя Императора 6-го Августа велѣно прочесть это письмо во всѣхъ ротахъ и эскадронахъ, «дабы «войска возблагодарили монарха Пруссіи за честное доказа-«тельство участія, пріемлемаго имъ въ торжествѣ, столь «драгоцѣнномъ сердцу каждаго Россіянина и потщились на-«всегда сохранить и вящше усилить союзъ товарищества съ «войсками Его Величества Короля, какъ залогъ благоден-«ствія и славы обоихъ Государствъ».

Дѣйствительно, празднество 30 Августа 1834 года было вполнѣ народное, великолѣпное, трогательное. Еще у всѣхъ были въ памяти сердечныя добродѣтели Александра I и великія дѣла, совершившіяся въ его незабвенное царствованіе.

Всѣ помнили еще народную любовь къ этому обожаемому Государю. Почесть, воздаваемая преемникомъ славы его и могущества, глубоко трогала современниковъ и дѣлала для нихъ Императора Николая еще любезнѣе и драгоцѣннѣе.

День 30-го Августа 1834 года былъ, какъ нарочно, однимъ изъ рѣдкихъ и прекраснѣйшихъ дней короткаго петербургскаго лѣта. Само небо благопріятствовало выраженію восторговъ Россіи, — и никакое перо не въ состояніи описать ихъ. Для славы и безсмертія *Благословеннаго* не нуженъ былъ памятникъ,—но онъ былъ выраженіемъ любви и благодарности потомковъ къ великому Монарху Россіи, вознесшему ее на такую степень силы и могущества.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА НА БОРОДИНСКОМЪ ПОЛѢ 26 АВГУСТА 1839. Г.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА НА БОРОДИНСКОМЪ ПОЛѢ ВЪ 1839 ГОДУ.

Кто не помнитъ великихъ событій 1812 года и знаменитой бородинской битвы? Двадцать племенъ Европы, предводимыхъ первымъ полководцемъ XIX вѣка, вторглись въ Россію, которая полумилліонной этой арміи могла противупоставить только до 200,000 воиновъ. Начались тотчасъ же народныя вооруженія, ополченія,—но между тѣмъ надобно было отступать передъ превосходными силами непріятеля, дорого заставляя его платить каждый шагъ земли. Эта грустная, тяжкая обязанность досталась на долю Барклая де-Толли. Ни ропотъ войска, ни требованія общественнаго мнѣнія, ни даже повелѣнія Императора Александра I не могли принудить его на генеральное сраженіе съ Наполеономъ. Онъ зналъ, что, принеся на жертву армію, онъ предаетъ въ руки врага всю Россію, тогда какъ каждый день отступленія ослаблялъ Наполеона, а Русскимъ доставлялъ подкрѣпленія. Это было великое, геройское самоотверженіе, которое вполнѣ заслуживаетъ памятника, воздвигнутаго ему на площади Казанскаго Собора. Только подъ Москвою ропотъ арміи и желанія всей Россіи требовали битвы, чтобъ не уступать безъ боя врагу древней столицы Русскаго царства.

Онъ готовъ былъ принести и эту жертву отечеству, какъ вдругъ прибылъ новый вождь, князь Кутузовъ, избранный Императоромъ Александромъ во исполненіе всеобщихъ желаній народа. Барклай де-Толли сдалъ ему армію, которую умѣлъ сохранить въ цѣлости, порядкѣ и дисциплинѣ отъ береговъ Нѣмана до Москвы при ежедневномъ отступленіи предъ массами превосходныхъ силъ,—и остался подъ командою его, чтобъ до конца служить отечеству.

Кутузовъ обозрѣлъ сперва мѣстность, на которой предмѣстникъ его хотѣлъ было дать генеральное сраженіе (при Царево-Займищѣ), но найдя ее слишкомъ открытою на флангахъ, отыскалъ другую, крѣпчайшую, гдѣ бы выгоды мѣстности замѣнили хотя нѣсколько недостатокъ войскъ въ сравненіи съ непріятелемъ, а именно: при Бородинѣ.

Бородинская позиція примыкала правымъ флангомъ къ лѣсу, находившемуся почти въ 300 саженяхъ отъ рѣки Москвы и прикрытому нѣсколькими отдѣльными укрѣпленіями. Фронтъ праваго крыла и центръ до с. Бородина былъ прикрытъ рѣчкою Колочею, текущею въ глубокомъ оврагѣ. Лѣвый флангъ, простиравшійся отъ Бородинскихъ высотъ до кустарниковъ, находившихся по лѣвую сторону деревни Семеновской, — былъ не такъ хорошо защищенъ природою,—и только овраги и кусты затрудняли подступы къ нему. Тутъ сдѣлано было на скорую руку нѣсколько полевыхъ укрѣпленій, тѣмъ болѣе необходимыхъ, что всѣ стратегическія правила заставляли думать, что сюда обратятся главныя усилія Наполеона. Большая батарея въ видѣ люнета построена была на томъ мѣстѣ, гдѣ лѣвое крыло смыкалось съ центромъ на высотѣ, повелѣвающей всѣмъ полемъ. На оконечности этого крыла построены были три другія батареи. Въ центрѣ позиціи передъ деревнею Горками построена была тоже батарея, прикрытая еще другою

впереди. Наконецъ для наблюденія за направленіемъ непріятельскихъ силъ построенъ былъ еще, впереди лѣваго фланга, редутъ на курганѣ въ 900 саженяхъ впереди фронта за селомъ Шевардинымъ.

Силы всей Русской арміи, готовившейся вступить въ ужасную битву, простирались до 132,000 человѣкъ. Но въ томъ числѣ было 10,000 московскаго ополченія и 7000 казаковъ: слѣдственно регулярныхъ войскъ было 115,000. У Наполеона было 180,000, то есть слишкомъ 60,000 больше, нежели у Русскихъ. Подъ главнымъ начальствомъ Кутузова командовали: лѣвымъ крыломъ князь Багратіонъ, центромъ Дохтуровъ, а правымъ крыломъ Милорадовичь, оба послѣдніе находились подъ распоряженіемъ Барклая-де-Толли.

Хотя Русскіе уже болѣе двухъ мѣсяцевъ отступали передъ превосходнымъ непріятелемъ, но они вовсе не упали духомъ и горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ врагомъ, проникшимъ до сердца Россіи. Вѣра, любовь къ отечеству, врожденная храбрость и чувство долга одушевляли ихъ. Съ своей стороны Французы, привыкшіе уже пятнадцать лѣтъ побѣждать всѣ народы, увѣрены были въ своемъ полководцѣ и надѣялись на побѣду.

Знаменитая битва происходила 26-го Августа. Обѣ стороны истощили всѣ свои средства къ преодолѣнію противниковъ. Не разъ превосходство силъ подавляло Русскихъ, но они успѣвали однако же сверхъестественными усиліями мужества отражать враговъ,—и наступившая ночь окончила бой. Обѣ стороны понесли огромныя потери,—и обѣ могли только похвалиться, что не были побѣждены. Русскіе провели ночь на полѣ битвы; Французы отступили въ позицію, которую занимали по утру. Кутузовъ хотѣлъ возобновить

бой на другой день, но донесенія всѣхъ корпусныхъ командировъ доказали ему, что числительность арміи слишкомъ слаба, чтобъ выдержать еще бой. Онъ рѣшился отступить— и отдать непріятелю Москву, сказавъ въ донесеніи достопамятныя слова, что потеря Москвы не составляетъ потери Россіи. Послѣдствія оправдали его слова. Русскія черезъ годъ были уже на Рейнѣ, а черезъ полгода потомъ въ Парижѣ.

Въ воспоминаніе этой знаменитой битвы Императоръ Николай I велѣлъ соорудить памятникъ на поляхъ Бородина. Онъ былъ открытъ въ день самой битвы въ 1839 г. Собраны были туда болѣе 100,000 войска, — и дневной приказъ по арміи былъ слѣдующій:

«Ребята! Предъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славномъ подвигѣ вашихъ товарищей. Здѣсь на самомъ этомъ мѣстѣ за 27 лѣтъ предъ симъ надмѣнный врагъ возмечталъ побѣдить Русское войско, стоявшее за вѣру, царя и отечество. Богъ наказалъ безразсуднаго. Отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ, — и мы вошли въ Парижъ. Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. И такъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ Императору Александру I. Его твердою волею спасена Россія. Вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ нашимъ и да послужитъ ихъ подвигъ примѣромъ намъ и позднему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ Государю и общей нашей матери Россіи. — Николай».

Этотъ приказъ былъ прочтенъ всѣмъ войскамъ, которыя въ этотъ знаменитый день собрались къ мѣсту, гдѣ сооруженъ былъ монументъ. Долго неумолкаемое ура! — свидѣтельствовало о пламенномъ восторгѣ всего войска.

Изъ приходской церкви двинулся къ памятнику крестный ходъ, — и Московскій Митрополитъ совершилъ молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Провозглашена была вѣчная память Императору Александру I и всѣмъ воинамъ, положившимъ животъ на полѣ брани, а наконецъ многолѣтіе всему храброму Россійскому воинству. Въ эту минуту войска отдали честь и произвели 792 пушечные выстрѣла.

УСМИРЕНІЕ ВЕНГРІИ ВЪ 1849 ГОДУ.

Во всемірной исторіи бывали иногда эпохи, когда какая нибудь отвлеченная идея обхватывала цѣлые народы, — и для не сбыточнаго осуществленія ея производились величайшія усилія. Корифеи этихъ народовъ пользовались всегда этими періодами политическихъ эпидемій, для личныхъ своихъ выгодъ, а не для общей пользы, — и когда проходили эти кризисы, когда всѣ оглядывались кругомъ себя, то каждому было удивительно и совѣстно, что онъ могъ увлечься странными утопіями современныхъ мнимыхъ философовъ. Къ числу подобныхъ періодическихъ болѣзней цѣлыхъ народовъ принадлежитъ и достопамятный 1848 годъ. Вездѣ вспыхнули революціи; вездѣ народъ требовалъ себѣ какихъ–то правъ, привиллегій, вездѣ уничтожали всякую власть и прежнія условія гражданской жизни, вездѣ ниспровергалъ старый порядокъ вѣщей, освященный вѣками, — и строилъ новое, фантастическое, воздушное зданіе, которое должно было разлетѣться при первомъ усиліи здраваго разсудка.

Европа привыкла уже съ 1789 года, что всѣ подобные кризисы прежде всего раждаются во Франціи; но чтобъ гроза волненій потрясла всю Европу до предѣловъ Россіи, — этого никто не ожидалъ. Менѣе же всего можно было полагать, чтобъ эта гроза съ такою силою обрушилась на

УСМИРЕНІЕ ВЕНГРІИ 1849. Г.

Австрію, — и однакожъ изъ всѣхъ Европейскихъ державъ ни одна не была такъ близка къ гибели. Причиною тому разнородный составъ ея владѣній. Большинство народонаселенія Австріи составляютъ Славянскія племена, потомъ Венгры, потомъ Италіянцы, — а Нѣмцевъ всего меньше. Но какъ этотъ господствующій элементъ требуетъ политическаго преобладанія надъ прочими, всячески стараясь подавить не—германскую національность, то разумѣется и существуетъ между этими стихіями всегдашняя вражда, болѣе или менѣе проявляющаяся при всякомъ случаѣ, — и конечно всегда ко вреду не-германскихъ племенъ.

Прежде всѣхъ взбунтовалась Вѣна,—средоточіе австрійскаго элемента. Народъ требовалъ конституціи, то есть представительной системы правительства, сформированія національной гвардіи, свободы книгопечатанія и учрежденія суда присяжныхъ. Все это тотчасъ же было дано. Вслѣдъ за тѣмъ возмутилась Богемія, долго составлявшая въ исторіи отдѣльное Славянское Королевство. Она требовала тѣхъ же правъ, какія даны были въ Вѣнѣ и національной сомобытности,—открылась Палата Депутатовъ въ Прагѣ, — и стала уже требовать отдѣленія отъ Австріи. Въ отвѣтъ на это Австрійскій генералъ князь Виндишгрецъ пять дней сряду бомбардировалъ городъ, который и покорился.

Вдругъ вспыхнуло важнѣйшее и опаснѣйшее возстаніе въ Венгріи. Эта область всегда пользовалась особенными правами и имѣла отдѣльную администрацію. Австрійскій Императоръ былъ тамъ только Королемъ — и при коронаціи присягалъ всегда сохранять древнія права Маджаровъ. При томъ же Венгрія не разъ спасала Австрію въ ея внѣшнихъ войнахъ.

Когда разразились революціи 1848 года, Венгрія объявила, что намѣрена непоколебимо и неразрывно составлять

часть Австрійской Имперіи, но требовала отдѣльнаго Венгерскаго Министерства, учрежденія національной гвардіи и общей конституціи. Фердинандъ на все согласился. Но Венгры, пріобрѣтя всѣ эти политическія права, не думали подѣлиться ими съ другими племенами. Кроація была всегда соединена съ Венгріею; но теперь, когда Венграмъ дано было право употреблять свой языкъ во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ, то Кроаты потребовали, чтобъ имъ позволено было употреблять славянскій. Венгры не согласились на это и объявили Кроатовъ—бунтовщиками. Это было первымъ спасеніемъ Австріи. Кроаты, предводимые Баномъ Іелашичемъ соединились съ Австрійцами и составили первое войско, которое можно было противопоставить общему разливу бунта. Съ этой минуты Австрія объявила Венгріи, что всѣ прежде данныя ей права уничтожаются. Началась ожесточенная война.

По несчастію для Императора Фердинанда въ Вѣнѣ вновь вспыхнулъ бунтъ,—и онъ уѣхавъ изъ столицы, подписалъ отреченіе отъ престола въ пользу племянника своего Франца-Іосифа.

Впрочемъ, дѣла Австріи были все еще въ самомъ сомнительномъ положеніи. Вдругъ Іелашичь и Виндишгрецъ съ отрядомъ вѣрныхъ Славянъ явились къ Вѣнѣ, — и послѣ двухъ-дневнаго боя взяли ее. Это былъ спасительный переломъ къ избавленію монархіи Габсбурговъ. Началась уже настоящая война съ Венгріею. Первый періодъ ея даже былъ въ пользу Австріи; но за то второй скоро доказалъ все безсиліе ея. Неудачи начались въ Трансильваніи. Тамъ Австрійцы просили временной помощи Русскихъ для защиты Германштата и Кронштата, — и 20 Января 1849 полковникъ Скарятинъ занялъ Германштатъ. Въ главной же арміи Австрійцевъ дѣла были въ самомъ дурномъ положе-

нія. Венгры заняли Вайценъ и сильно тѣснили Виндишгреца, котораго смѣнилъ Вельденъ, но и тотъ продолжалъ отступать. Буда и Пестъ были заняты инсургентами,—и Гергей понесся къ берегамъ Ваага, чтобъ проникнуть въ сердце Австріи. Еще бы нѣсколько переходовъ,—и Венгры были бы въ Вѣнѣ.

Вдругъ распространилась въ Австріи радостная вѣсть, что Императоръ Николай идетъ на спасеніе ея. Дѣйствительно, манифестомъ 26 Апрѣля Государь Императоръ объявилъ о помощи, даруемой Францу-Іосифу, который и прибылъ къ нему въ Варшаву 9-го Мая. Вслѣдъ за тѣмъ Русская армія вступила въ предѣлы Венгріи. Война приняла тотчасъ же другой видъ. Послѣ разныхъ стратегическихъ движеній произошелъ 3 Іюля бой у Вайцена—и отраженный Гергей почувствовалъ, что онъ не въ силахъ будетъ продолжать этой борьбы. 8 Іюля произошло дѣло подъ Туромъ, и инсургенты были вновь разбиты; 11 Іюля другой бой при Сасъ-Регенѣ, а 19 при Сегезварѣ. Венгры были разбиты и преслѣдуемы. Наконецъ при Дебречинѣ произошло генеральное сраженіе — и послѣ претерпѣннаго пораженія Венгры прислали парламентера къ Русскому Главнокомандующему Паскевичу,—но получили въ отвѣтъ, что они должны обратиться къ австрійскому полководцу,—если намѣрены покориться своему Императору. На это посланный объявилъ, что Венгерцы готовы положить оружіе, но только передъ *Русскими*, а не вступать въ переговоры съ Австрійцами: иначе будутъ драться до послѣдней крайности. Кошутъ, бывшій дотолѣ диктаторомъ Венгріи, сложилъ съ себя это званіе и ввѣрилъ всю власть предводителю Венгріи Гергею, который, видя невозможность продолжать борьбу, рѣшился сдаться.

Главнокомандующій Паскевичь, желая прекратить крово-

пролитіе, поручилъ корпусу графа Ридигера принять и обезоружить сдающуюся армію. Построенныя въ боевомъ порядкѣ войска наши встрѣтили армію Гергея въ селѣ Шеломѣ. По отданіи чести, Венгерцы составили ружья, вышли изъ рядовъ и пошли на назначенныя имъ биваки къ мѣстечку Зирандъ.

Сдавшаяся армія состояла изъ 30,889 человѣкъ. Весь блистательный походъ Русскихъ продолжался восемь недѣль, — и 17 Августа послѣдовалъ уже Высочайшій Манифестъ, оканчивающійся словами: «Да! Во истину, съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ»!

Такимъ образомъ война была кончена и Австрія спасена. Сами австрійскіе генералы сознавались, что Русскіе были *избавителями ихъ*. Всемірная исторія отдастъ Николаю I всю дань справедливости за его великодушіе, съ которымъ онъ тотчасъ же подалъ руку помощи древней своей союзницѣ и не взялъ за это никакого вознагражденія, никакихъ поземельныхъ уступокъ и правъ. Желательно, чтобъ лѣтописи съ такою же справедливостію возвѣстили и о *благодарности* Австріи за ея избавленіе.

НИКОЛАЕВСКІЙ МОСТЪ 1850. Г.

НИКОЛАЕВСКІЙ МОСТЪ.
(1850).

Когда великій преобразователь Россіи Петръ I основалъ С.-Петербургъ, то столица Руской Имперіи была еще въ Москвѣ, а новый городъ, основываемый имъ, былъ какъ-бы окномъ, прорубливаемымъ для наблюденія за ходомъ дѣлъ въ Европѣ. Безъ морскихъ сношеній съ Европою нельзя было сблизить Россіи съ прочими европейскими державами,— а какъ въ эпоху созданія С.-Петербурга Петръ I не владѣлъ еще ни Ригою, ни Ревелемъ, ни Нарвою, да и не могъ еще предполагать подобнаго пріобрѣтенія, то и возымѣлъ геніальную мысль основать портъ; военную и купеческую гавань, даже временную, лѣтнюю резиденцію на крайнихъ сѣверныхъ границахъ Россіи, на пустой и болотистой почвѣ, недавно еще отбитой у Шведовъ и не утвержденной еще договорами. Послѣдующія событія вовсе измѣнили первоначальную мысль, первобытный планъ. Но это было болѣе дѣло Провидѣнія.

Городъ С.-Петербургъ основанъ былъ Петромъ I на такъ называемой нынѣ *Петербургской сторонѣ*. Это былъ самый сухой островъ изъ всѣхъ, находившихся въ устьѣ Невы.

Для защиты этого города со стороны моря построена была Петропавловская крѣпость, а со стороны Финляндіи существовала еще крѣпость Ніеншанцъ, которой развалины видны еще на Охтѣ. Васильевскій островъ долженъ былъ составлять торговую часть города и устроенъ на подобіе Венеціи, то есть прорѣзанъ вдоль по теченію рѣки тремя *большими* каналами, а поперегъ тридцатью двумя *меньшими*,— такъ—чтобъ тамъ сухопутной ѣзды въ экипажахъ не было, а всѣ сообщенія происходили бы на лодкахъ. Административныя мѣста были на Петербургской сторонѣ, гдѣ находился и самый дворецъ Петра I. Лѣвый берегъ Невы, гдѣ нынѣ вся столица, называлась тогда *Адмиралтейскою стороною* и назначалась для построенія судовъ и жительства морскихъ командъ. Только на берегу Фонтанки развелъ Петръ I *Лѣтній садъ* и построилъ себѣ дворецъ; — да по лѣвому берегу этого протока Невы стали строить дачи.

Все это доказываетъ, что первоначальный планъ Петра I совершенно былъ не тотъ, какой потомъ составился по ходу событій. Петръ II хотѣлъ было совершенно оставить С.-Петербургъ и постоянно сохранить столицею Москву. Даже Анна Іоанновна имѣла сначала эту же мысль. Къ концу ея царствованія все измѣнилось,—и С.-Петербургъ окончательно сдѣлался не только резиденціею, но и первою столицею Россіи, а Адмиралтейская сторона главнымъ основаніемъ города. Но, какъ въ это время зарѣчныя части были уже очень значительно заселены, то сообщеніе съ ними и представляло большія затрудненія. Устроены были судовые мосты на Васильевскій островъ и на Петербургскую сторону, по весною и осенью сообщеніе на нѣсколько времени прекращалось, а какъ на Васильевскомъ островѣ была биржа, то торговыя дѣла и очень страдали отъ этого. Стали составлять при Елисаветѣ планы для построенія *по-*

стояннаго моста черезъ Неву, но гидротехническія науки были тогда еще очень мало розвиты, чтобъ наилучше придуманные въ *теоріи* планы исполнены были на *практикѣ*. При Екатеринѣ и Александрѣ I еще болѣе составляемо было подобныхъ плановъ,—и въ Академіи Наукъ до сихъ поръ хранится модель Кулибинскаго моста, доказывающій геніальность изобрѣтателя и слабость техническихъ исполнителей, не рѣшившихся привести его въ дѣйствіе.

Царствованію Императора Николая I, совершившаго столь много великихъ дѣлъ, предоставлено было исполнить и этотъ исполинскій трудъ. Затрудненія были значительны. Нева имѣла глубины до 5-ти сажень; свойство грунта ея было очень слабо; двукратный ходъ ладожскаго льда долженъ былъ останавливать работы; теченіе рѣки было быстро. Но подъ главнымъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта Графа Клейнмихеля, поручено было составить планъ и проектъ построенія постояннаго моста Подполковнику Кербедзу (который за удачное исполненіе этого великаго труда и произведенъ Генералъ-Маіоромъ). Подобное предпріятіе и исполненіе не могли попасть въ лучшія руки. Мостъ этотъ состоитъ изъ семи чугунныхъ арокъ на гранитныхъ устояхъ и быкахъ съ желѣзною разводною частію у праваго берега для прохода всѣхъ судовъ. Работы продолжались до восьми лѣтъ,— и окончены съ полнымъ успѣхомъ. 21 Ноября 1850 года открытъ былъ мостъ самимъ Государемъ Императоромъ,— и названъ *Благовѣщенскимъ* (по церкви Благовѣщенія, стоящей напротивъ моста у Конногвардейскаго бульвара). Императоръ Александръ II Высочайше повелѣлъ именовать этотъ мостъ *Николаевскимъ* въ память великаго соорудителя его.

Со времени открытія прошло уже почти восемь лѣтъ,— и ни напоры льдовъ, ни удары волнъ не произвели ни малѣйшаго поврежденія въ этомъ монументальномъ сооруженіи, которое конечно простоитъ вѣка и будетъ свидѣтельствовать будущимъ поколѣніямъ, какъ Николай I заботился о благосостояніи своей столицы во всѣхъ отношеніяхъ.

ПАМЯТНИКЪ ЦАРЮ МИХАИЛУ ѲЕОДОРОВИЧУ И ПОСЕЛЯНИНУ ИВАНУ СУСАНИНУ ВЪ КОСТРОМѢ 1851. Г.

ПАМЯТНИКЪ
ЦАРЮ МИХАИЛУ ѲЕОДОРОВИЧУ
и
ПОСЕЛЯНИНУ ИВАНУ СУСАНИНУ.
(Въ Костромѣ, въ 1851 году).

Россія всѣмъ обязана достославному Дому Романовыхъ. Ея политическое могущество, ея европейское просвѣщеніе, ея администрація, кодексы и новая народная жизнь: все намъ дано династіею Михаила Ѳеодоровича, единогласно избраннаго всею Россіею въ 1613 году — по освобожденіи Москвы Княземъ Пожарскимъ.

Дѣйствительно, что̀ была Россія до избранія Романова Дома? Первоначальный періодъ Варяго-Руссовъ не представлялъ никакого государственнаго тѣла. Это была федерація племенъ отъ Новой Ладоги до береговъ Дуная, нарицательно соединившихся подъ управленіемъ воинственной Норманской дружины. По общей, государственной связи между ними не было. Правителямъ платили дань; судились правомъ меча; откупались отъ законовъ деньгами, или прибѣгали къ третейскому суду. Завоеванія и военныя добле-

сти одни тогда уважались: мирныя добродѣтели ничего не значили. Каждое племя выставляло въ случаѣ войны свой участокъ войска, который однако же расходился, когда ему вздумается. Постоянныхъ армій не было, а около Князей существовали только *дружины* въ родѣ гвардіи, или тѣлохранителей.

Періодъ удѣловъ еще болѣе разъединилъ Россію. Каждое Княжество жило отдѣльною жизнію — и имѣло свою политику, свои союзы, свои вражды. Собирательное слово *Русской*, столь волшебно потрясающее нынѣ каждаго на святой Руси, тогда не имѣло отголоска въ сердцахъ. Каждый прежде всего хотѣлъ быть Новгородцемъ, Владимірцемъ, Тверитяниномъ, Смольяниномъ, Черниговцемъ, Кіевляниномъ,—а *общая* польза Россіи была дѣломъ второстепеннымъ. Конечно Великій Князь—старшій въ родѣ—считался главою прочихъ Князей и созывалъ ихъ иногда на семейный конгресъ, гдѣ духовенство болѣе всего было пружиною всеобщаго примиренія и оказанія правосудія; но, запечатлѣвъ договоры цѣлованіемъ Креста, — всѣ условія тотчасъ-же потомъ забывались и племенныя вражды возобновлялись.

Наступилъ гибельный періодъ монголовъ. Разъединенная Россія пала подъ ударами азіатскихъ варваровъ. Еслибъ подобное историческое событіе случилось во времена Владиміра, то конечно общія усилія Славянскихъ племенъ, предводимыхъ *одною* волею, отразили бы эти массы дикихъ ордъ. Но удѣльные Князья воображали себя въ состояніи каждый отдѣльно отразить Батыя, не помогая другъ другу,—и всѣ по очередно пали.

Это былъ самый печальный періодъ нашей исторіи, потому что Русскіе потеряли не только свою государственную

независимость, но и чистоту славянскихъ нравовъ. Великіе Князья только золотомъ и раболѣпствомъ получали *ярлыкъ* Хана на свой униженный тронъ,—а о правосудіи въ гражданской жизни не было и помышленія. Всѣ законы основаны были на подкупѣ; всякой шагъ, всякая просьба сопровождались взятками, — и угнетенный народъ мало по малу привыкъ къ этимъ татарскимъ обычаямъ.

Раздоры внутренніе разрушили наконецъ эту *Золотую Орду* — и Іоаннъ III объявилъ себя независимымъ. Россія была опять самостоятельною державою, но уже со всѣми оттѣнками азіатскаго владычества, со всѣми пороками татарской администраціи.

Несчастное прекращеніе династіи его и избраніе Бориса Годунова изъ татарскаго же племени породило еще гибельнѣйшій періодъ Русской Исторіи, —а именно *Самозванцевъ*. Привязанность Русскихъ къ законнымъ своимъ царямъ была такъ сильна, что они готовы были слѣдовать за каждымъ, кто рѣшался выдавать себя за сына Іоанна IV. Въ этотъ несчастный періодъ довершилось всеобщее растлѣніе нравовъ, — и сосѣдственныя державы спѣшили воспользоваться несчастнымъ положеніемъ Россіи, отрывая отъ нее одну область за другою. Кіевъ съ Малою Россіею давно уже былъ не Русской; Литва, Смоленскъ, Новгородъ сдѣлались добычею нашествій Поляковъ и Шведовъ, а о Червной Россіи, о прекрасномъ нашемъ Галичѣ мы уже забыли... И въ эту-то минуту Пожарскій и Мининъ возвратили Россіи независимость — и избрали на престолъ сына митрополита Филарета, томившагося въ плѣну въ Варшавѣ, Михаила Өеодоровича — на Русскій престолъ.

Это было великое, незабвенное въ Русской исторіи собы-

тіе! Оно было началомъ счастія и величія величайшей Имперіи въ свѣтѣ.

И однако же прежде, нежели юный Царь, избранный Думою, могъ пріѣхать въ Москву, — онъ едва не погибъ отъ польскихъ шаекъ, скитавшихся еще около Москвы. Узнавъ объ этомъ избраніи Русскаго Царя и открывъ, что онъ живетъ близъ Костромы въ своемъ помѣстьи, эти шайки составили адскій заговоръ броситься туда и захвативъ Михаила Ѳеодоровича, отвезти его въ Варшаву. Съ этимъ злодѣйскимъ умысломъ пробрались они въ тѣ мѣста и явились однажды ввечеру въ село Домнино, гдѣ проѣзжая мимо овина встрѣтили одного крестьянина Ивана Сусанина, котораго начали распрашивать о лучшей и ближайшей дорогѣ къ господскому селу. Догадливый и преданный крестьянинъ, видя что это Поляки и предчувствуя, что у нихъ злые умыслы, взялся быть ихъ проводникомъ, — и мимоходомъ зайдя въ свою избу, велѣлъ сыну своему бѣжать скорѣе въ господской домъ и объявить, что толпы злодѣевъ ищутъ головы Михаила Ѳеодоровича,—такъ чтобъ онъ скорѣе спасался,—а что онъ всю ночь проводитъ злодѣевъ по лѣсу и по болотамъ.

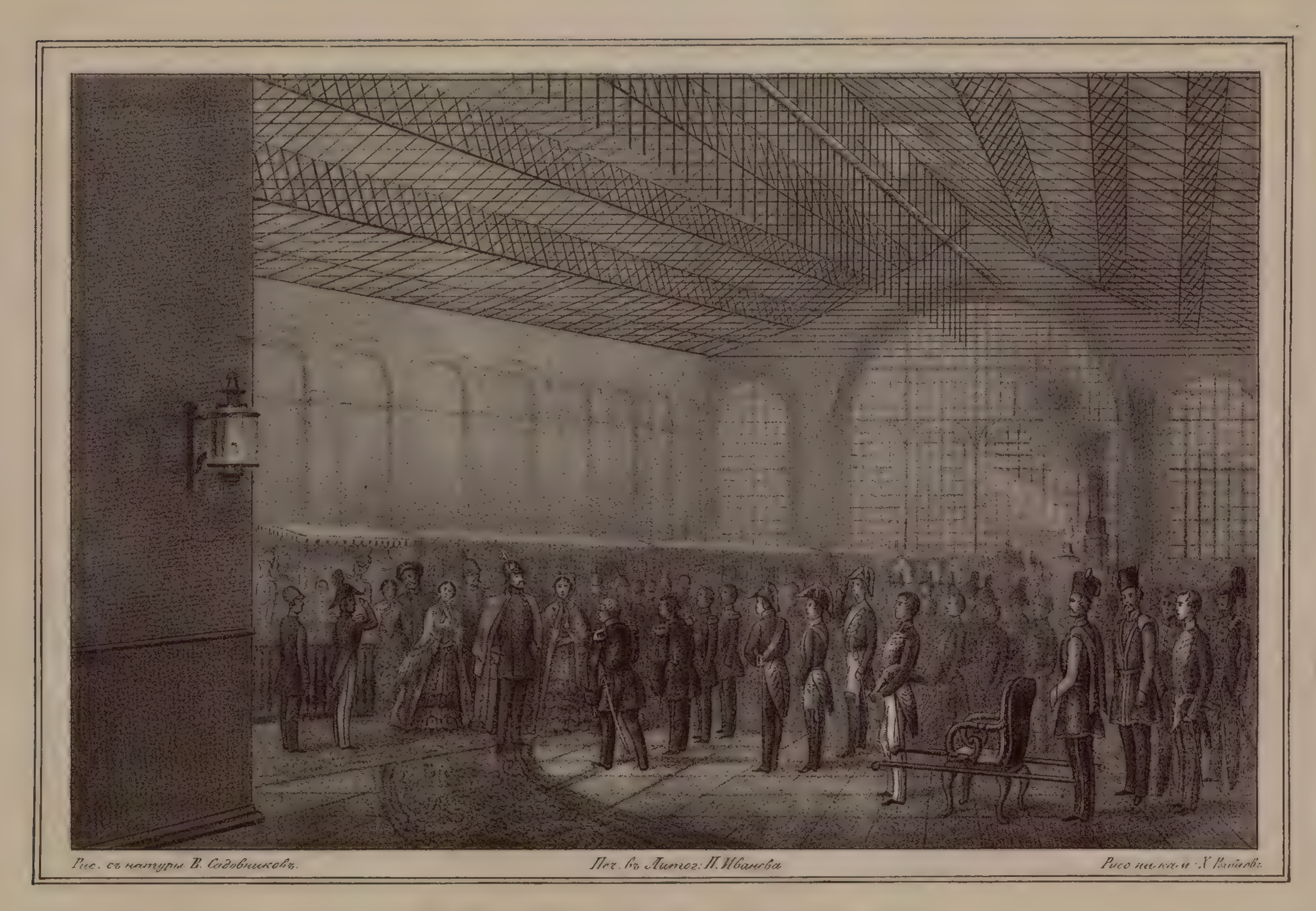
Мужественно и весело повелъ Сусанинъ толпы Поляковъ черезъ лѣсъ—и водилъ ихъ цѣлую ночь. Наконецъ, когда они къ нему на разсвѣтѣ приступили съ угрозами, онъ объявилъ о великодушной своей хитрости для спасенія своего Государя и помѣщика, злодѣи тутъ же его умертвили — и когда черезъ нѣсколько часовъ вышли на дорогу и явились въ село Михаила Ѳеодоровича, онъ успѣлъ уже спастись для будущей славы и счастія Россіи.

Могъ-ли Императоръ Николай I оставить подобный

подвигъ въ забвеніи? Онъ велѣлъ воздвигнуть въ Костромѣ памятникъ въ честь родоначальника своей династіи и избавителя его,—и этотъ монументъ былъ торжественно открытъ въ 1851 году. Онъ какъ-бы свидѣтельствуетъ съ одной стороны до какой степени силы и величія достигла Россія отъ Царя Михаила Θеодоровича до его царствованія, а съ другой: что каждый Русскій готовъ радостно принести жизнь свою на жертву для спасенія своего Царя.

НИКОЛАЕВСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

Долго Россія колебалась въ своей рѣшимости: строить ли ей желѣзныя дороги и необходимы ли онѣ ей для развитія торговли, промышленности и общественнаго благосостоянія. Всѣ прочія европейскія державы были уже покрыты сѣтями этихъ дорогъ,—и тамъ онѣ приносили чрезвычайную пользу по причинѣ небольшаго разстоянія между городами, селеніями и государствами, а равно по сжатости народонаселенія и дѣятельныхъ сношеній. Но у насъ протяженіе отъ Балтійскаго до Чернаго, отъ Волги до Одера пугало всякое воображеніе. При томъ у насъ было много хорошихъ каналовъ, шоссе и полгода зимняго пути. Быстрота сообщеній не могла по видимому вознаградить тѣхъ огромныхъ издержекъ, которыя предстояли государству при построеніи желѣзныхъ дорогъ. Да и капиталовъ было въ Россія слишкомъ мало, чтобъ пускаться на предпріятія, которыхъ барышъ былъ еще сомнителенъ. Небольшая частная компанія Графа Бобринскаго построила дорогу отъ С.-Петербурга до Павловска, — но это была болѣе игрушка, или спекулятивный опытъ, доказавшій однако же важный фактъ, что съ удобствомъ и быстротою сообщенія удесятерились вдругъ сношенія между этими двумя пунктами. По статистическимъ

НИКОЛАЕВСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА 1851. Г.

цифрамъ ѣздили въ годъ до 100,000 человѣкъ изъ С.-Петербурга въ Павловскъ когда небыло желѣзныхъ дорогъ. Когда же открылась дорога, то въ мѣсяцъ было уже до 30,000 и болѣе.

Представлялось множество частныхъ проектовъ къ построенію дорогъ въ Россіи. Но Императоръ Николай I хотѣлъ, чтобъ прежде всего соединены были Москва и Петербургъ. Первая составляетъ центръ внутренней торговли; второй — представляетъ главный пунктъ иностранной коммерціи. Быстрое сообщеніе между ними должно было чрезвычайно облегчить и ту и другую. Императоръ Николай I повелѣлъ построить эту дорогу на счетъ казны—и ввѣрилъ эту работу Генералъ-Адъютанту Графу П. А. Клейнмихелю.

Прежде всего возникъ вопросъ о направленіи этой дороги. Примѣръ всей Европы указывалъ, что желѣзныя дороги должны быть ведены мимо городовъ и селеній. Статистическія цифры европейскихъ дорогъ доказывали, что сношенія между двумя главными городами никогда не бываютъ такъ значительны, какъ между селеніями и мѣстечками, находящимися между ними. Изъ С.-Петербурга до Москвы первый городъ — Новгородъ, — и первый вопросъ предстоялъ въ томъ: вести ли дорогу черезъ него, или отъ Сосницской пристани на Волховъ прямо къ Валдаю. Протяженіе пути увеличивалось на двадцать-три версты и примѣрное исчисленіе на нихъ расходовъ простиралось до 11-ти милліоновъ сер. Государь Императоръ 6 Мая 1843 года рѣшилъ, чтобъ вести дорогу мимо Новгорода прямо, потому что отъ Сосницской пристани существуетъ по Волхову пароходство до этого города,—и слѣдственно всѣ сообщенія его съ желѣзною дорогою будутъ скоры и удобны. Такимъ

образомъ опредѣлена была кратчайшая линія отъ С.-Петербурга до Москвы въ $603^3/_4$ версты.

Дорогу повелѣно было строить съ двойными рельсами. Составлены были тотчасъ же инженерныя изысканія по всему пути. Извѣстно, что плоская земная возвышенность, называемая въ географіи Валдайскими (древними Аллунскими) горами раздѣляетъ протяженіе между Москвою и С.-Петербургомъ на два неровные склона. Сѣверный отъ С.-Петербурга идетъ вверхъ круче, а южный къ низовымъ губерніямъ склоняется отложе. Инженерное искусство должно было уравнять по возможности эти подъемы посредствомъ выемки земли. Исчислено было, что надобно для этого произвести выемокъ и насыпей до 5.000,000 куб. саженъ.

Въ 1843 году приступлено было къ землянымъ работамъ, то есть къ устройству временнаго пути, чтобъ имѣть доступъ ко всей линіи. Въ 1844 работы развиты были на всемъ протяженіи. Устройство землянаго полотна сопряжено было съ чрезвычайными затрудненіями, по причинѣ глубокихъ выемокъ въ слояхъ твердаго грунта, или въ торфяныхъ и болотныхъ почвахъ, гдѣ надобно было опасаться проваловъ. Самыя большія насыпи и самыя глубокія выемки произведены между рѣкою Мстою и Вышнимъ-Волочкомъ, а также между Клиномъ и Москвою.

Сооруженіе мостовъ требовало не менѣе труда и искусства, особливо на рѣкахъ судоходныхъ, подверженныхъ частымъ наводкамъ и гдѣ мостовое полотно возвышено надъ рѣчнымъ уровнемъ до 20 и болѣе саженъ. Число всѣхъ мостовъ и трубъ С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги составляетъ двѣсти пятьдесятъ два: въ томъ числѣ большихъ мостовъ *восемь*, — а именно: 1-й чрезъ Волховъ въ 152 сажени длины и 5 высоты отъ основанія: 2-й чрезъ

Мсту въ 275 саж. длины и 19 вышины, 3 чрезъ Веребью въ $265^1/_2$ длины и $22^1/_2$ вышины, 4-й чрезъ Цну въ 40 саж. длины и 5 вышины; 5-й чрезъ Тверцу $85^1/_2$ саж. дл. и 8 вышины, 6-й чрезъ Волгу $85^1/_2$ длины и 8 вышины, 7-й чрезъ Шошу 50 длины и 5 вышины и 8 чрезъ Сходню 114 длины и 15 вышины.

Среднихъ мостовъ отъ 5 до 28 сажень построено 65, малыхъ отъ 2 до 5 сажень — 129, — и 50 трубъ. Мостовое полотно большихъ и среднихъ мостовъ поддерживается деревянными фермами брусчатой американской системы.

На настилку полотна и рельсовъ заготовлено было щебня 110,511 куб. сажень, гравія и песку 209,090 куб. сажень, поперечинъ 1.751,321, досокъ 555,951, рельсовъ 5,000.000 пудовъ, подушекъ 583,551, гвоздей 19,420 пуд. и костылей 75,972 пуда. Рельсы для С.-Петербургско-Московской дороги выписаны изъ Англіи. Для поощренія внутренней заводской промышленности предложены были русскимъ заводамъ самыя выгодныя условія, — но оказалось, что подобнаго количества не возможно было выдѣлать въ Россіи. Составилось для этого общество русскихъ горно-заводныхъ владѣльцевъ; но они успѣли поставить только 50,000 пуд. рельсовъ. Для обезпеченія будущей ремонтировки отданъ казенный чугуно-плавильный заводъ на Петергофской дорогѣ въ частное завѣдываніе на 25 лѣтъ для выдѣлки тамъ рельсовъ. Чугунныя же подушки, костыли и гвозди изготовлены всѣ на чугунномъ заводѣ въ С.-Петербургѣ.

Подвижной составъ этой дороги весь изготовленъ контрагентами Александровскаго Главнаго Механическаго Завода американскими механиками. Всего сдѣлано пасажирскихъ 42 локомотивовъ, товарныхъ 120, вагоновъ Императорскихъ—

два (къ нимъ кухонныхъ два), пасажирскихъ — 72, товарныхъ 580, платформъ 1,992; вагонныхъ телѣжекъ 5,300.

На С.-Петербургско-Московской дорогѣ построено 34 станціи, въ томъ числѣ столичныхъ двѣ; перваго класса (чрезъ каждые 150 верстъ) три; втораго класса (чрезъ каждые 75 верстъ) четыре; третьяго класса (чрезъ 37 верстъ) восемь; четвертаго класса (чрезъ каждые 18—20 верстъ) семнадцать. Всѣ онѣ, кромѣ помѣщенія для пасажировъ снабжены мѣстами для храненія вагоновъ, локомотивовъ, а также резервуарами воды и навѣсами для дровъ.

Кромѣ того устроено пять товарныхъ станцій: въ С.-Петербургѣ на Обводномъ каналѣ, на рѣкѣ Волховѣ, въ Вышнемъ-Волочкѣ, въ Твери и Москвѣ.

Для удобнѣйшаго сообщенія окрестныхъ мѣстъ съ желѣзною дорогою строятся шоссе: отъ Тосны, Померанья, Чудова, Вышняго-Волочка, Твери и Клина.

Первоначальная смѣта дороги простиралась до 67 милліоновъ рублей серебромъ. Потомъ она возвысилась.

Сентября 7-го и 8-го 1850 года Императоръ Николай I лично проѣхалъ по участкамъ дороги отъ С.-Петербурга до Чудова и отъ Вышняго - Волочка до деревни Кольцово за Тверью, — а 19 Августа 1851 года она была торжественно открыта поѣздомъ всей Августѣйшей Фамиліи. (Для публики 20 Ноября).

Это была первая попытка въ Россіи — и попытка колоссальная. На нее пошло много времени и денегъ, но она можетъ назваться образцовою по прочности работъ и по роскоши зданій. Послѣдствія этой попытки вскорѣ доказали, что для Россіи столько же нужны желѣзныя дороги, какъ и для прочей Европы — и въ самомъ началѣ послѣдующаго

царствованія воля Царя и содѣйствіе избранныхъ имъ Государственныхъ людей составили уже исполинскій проектъ о соединеніи Москвы съ Θедоосіею и съ Либавою. Протяженіе въ 4000 верстъ по Россіи составляетъ тоже самое, что протяженіе чрезъ всю Европу отъ Нѣмана до Лиссабона и отъ Балтійскаго моря до Средиземнаго! Можно судить по этому какіе гигантскіе размѣры должны быть во всѣхъ предпріятіяхъ, касающихся до Россіи.—Слава великимъ Вѣнценосцамъ ея и ихъ содѣйствователямъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I,

ЗА ГРОБОМЪ БѢДНАГО.

Иногда одинъ небольшой и по видимому незначащій анекдотъ лучше характеризуетъ цѣлое Царствованіе, нежели многотомныя исторіи. Всѣ страницы всемірныхъ лѣтописей наполнены исчисленіемъ побѣдъ и государственныхъ доблестей каждаго Государя: ни одинъ историкъ не оставилъ намъ семейной, домашней жизни своихъ героевъ. А между тѣмъ не одни завоеванія составляютъ славу Царей. Много другихъ подвиговъ, которые полезнѣе и пріятнѣе для человѣчества. Еслибъ исторіографы знакомили насъ съ душевными качествами вѣнценосцевъ, мы бы гораздо лучше понимали всѣ событія и тайную пружину ихъ: теперь видимъ дѣйствія, а причины скрыты отъ насъ.

Конечно совершенство не принадлежитъ человѣку, — а одному Богу. Слабости и ошибки составляютъ нераздѣльный удѣлъ человѣческой природы, — и никакого героя всемірной исторіи нельзя выставить образцемъ всѣхъ добродѣтелей и совершенствъ. Но едвали она можетъ представить другое лицо, подобное Николаю I, которое на высотѣ трона одной изъ величайшихъ державъ въ свѣтѣ, имѣ-

Сочинялъ Зауервейдъ. Печ. въ Литог. П. Иванова. Рис. на кам. Х. Рябцовъ.

ГОСУДАРЬ ЗА ГРОБОМЪ БѢДНАГО 1851. Г.

ло бы столько прекраснѣйшихъ качествъ души и сердца. Николай I былъ примѣрный супругъ, лучшій отецъ и братъ, справедливѣйшій господинъ для служителей, снисходительнѣйшій судья для раскаявающихся. Болѣе всего уважалъ онъ первый источникъ человѣческой премудрости— Вѣру и непоколебимо исполнялъ всѣ ея правила, какъ въ государственной, такъ и въ домашней жизни. Столь же сильно и твердо любалъ онъ исполненіе гражданскихъ законовъ. Его можно было назвать *первымъ мужемъ долга* во всей своей безграничной имперіи. Отъ всѣхъ требовалъ онъ исполненія этого *долга* — и это было главною характеристикою его царствованія.

О немъ можно бы было составить огромное собраніе анекдотовъ въ доказательство этой характеристики. Мы довольствуемся на выдержку самымъ незначащимъ, — и только потому, что онъ тогда былъ описанъ всѣми газетами. По сколько ихъ хранится въ памяти у каждаго. Это будетъ со временемъ драгоцѣнный сборникъ и прекрасный памятникъ его царствованія, — столь мало еще оцѣняемаго современнымъ поколѣніемъ.

Однажды Государь Императоръ ѣхалъ по вновь построенному имъ Благовѣщенскому мосту и сталъ въ коляскѣ своей обгонять погребальную процессію какого-то бѣдняка, за которымъ никто не шелъ, котораго никто непровожалъ. Значитъ у него не было наслѣдства, чтобъ родственники оказали ему послѣдній долгъ христіанскій. Значитъ ему нечѣмъ было заплатить за проводы и слезы.

Глубокое чувство христіанина сильно вспыхнуло въ груди Николая I. Его подданный, его братъ о Христѣ, который уже былъ предъ лицемъ Божіимъ, гдѣ можетъ быть станетъ выше многихъ знатныхъ, безпечно везомый къ вѣчному жилищу своему, при совершенномъ равнодушіи всегрѣ-

чающейся толпы, — это сильно тронуло великодушное и христіанское его сердце. Онъ вышелъ изъ коляски и съ чувствомъ глубокаго смиренія христіанина пошелъ за гробомъ безвѣстнаго бѣдняка. Онъ не спросилъ даже объ имени его. На что ему было знать? онъ видѣлъ въ немъ только христіанина. Онъ помнилъ только слова Спасителя: «кто дѣлаетъ для меньшихъ моихъ братьевъ, тотъ для меня дѣлаетъ».

Можно вообразить стеченіе народа, тотчасъ же составившееся позади Николая I. Теперь всякій хотѣлъ раздѣлить съ своимъ отцемъ Государемъ честь сопутствовать умершему бѣдняку. Едва ли и богачи могутъ похвалиться такими многочисленными проводами, какъ этотъ нищій.

И не для суетной славы дѣлалъ это вѣнценосецъ великой имперіи. Онъ исполнялъ долгъ христіанина и давалъ уроки своимъ дѣтямъ-подданнымъ. — Да благословится и прославится имя твое, незабвенный, христолюбивый Царь!

СИНОПСКОЕ СРАЖЕНІЕ 1853. Г.

СИНОПСКОЕ СРАЖЕНІЕ, 1853.

Когда Султанъ начиналъ войну 1829 года, то заранѣе сказалъ въ знаменитомъ своемъ Хатти-Шерифѣ, что съ христіанами можно только заключать перемирія, чтобъ выиграть время, но что естественнымъ образомъ каждый мусульманинъ долженъ быть вѣчнымъ врагомъ христіанъ. Слѣдственно, зная основный законъ корана, можно было быть увѣреннымъ, что и Адріанопольскій миръ, великодушно дарованный Императоромъ Николаемъ, когда русская армія была уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Константинополя, послужитъ только для Султана такимъ же перемиріемъ, чтобы собраться съ силами и улучить удобное время для начатія новой войны. Договоры Кучукъ-Кайнаджійскій, Бухарестскій, Акерманскій, Адріанопольскій, Ункіаръ-Скелесскій — были для Порты мертвою буквою, потому что по словамъ корана договоры съ христіанами не связываютъ правовѣрнаго. — Всегдашняя цѣль всѣхъ трактатовъ Россіи съ Турціею состояла только въ томъ, чтобъ улучшить, обезпечить положеніе христіанъ, нашихъ единовѣрцевъ на востокѣ. Но никогда эти условія не были выполняемы, — да и нельзя было по справедливости ожидать этого выполненія, потому что правила мусульманской вѣры

воспрещали почитать христіанина человѣкомъ, который можетъ имѣть равныя права съ поклонникомъ магомета.

Прошло нѣсколько лѣтъ съ Адріанопольскаго мира — и Николай I убѣдился, что восточные христіане точно также страдаютъ, какъ и прежде и что договоры столь же явно не выполняются Портою, какъ и всегда. Надобно было напомнить Портѣ ея обязательства — и Государь Императоръ отправилъ въ Константинополь чрезвычайнымъ посланникомъ Генералъ-Адъютанта князя Меньшикова, который имѣлъ порученіе требовать какого нибудь письменнаго подтвержденія прежнихъ переговоровъ.

Могло ли быть что нибудь умѣреннѣе и справедливѣе этого требованія? Но Порта, державшаяся до сихъ поръ въ Европѣ только несогласіями христіанскихъ державъ между собою, давно уже видѣла, что весь западъ съ завистію и безпокойствомъ смотритъ на развитіе силы и благосостоянія Россіи, въ особенности Англія, опасавшаяся чтобъ могущество этой имперіи на востокѣ не потрясло когда нибудь власти Великобританіи между индѣйскими племенами. Англійскій посланникъ въ Лондонѣ внушилъ портѣ, что она должна отказать во всѣхъ требованіяхъ Россіи и что если отъ этого произойдетъ война, то Европа будетъ помогать Турціи. — Это былъ верхъ желаній Порты. Ея торжество именно состояло въ томъ, чтобъ вооружать Христіанскія державы одну противъ другой.

Князю Меньшикову было отказано. Онъ долженъ былъ уѣхать,—и Императоръ Николай велѣлъ 60,000-ной арміи двинуться въ Дунайскія Княжества, чтобъ этою демонстраціею образумить Турцію. Но она сама объявила войну Россіи и начала военныя дѣйствія.—На Азіатскомъ берегу захватили уже Турки Николаевскій фортъ,—и желая соеди-

питься тамъ съ Кавказскими племенами, стали свозить туда многочисленные отряды.

Чтобъ наблюдать за этими подвозами Турецкихъ войскъ и не допускать ихъ, крейсировалъ у береговъ Анатоліи Вице-Адмиралъ Нахимовъ съ кораблями: Императрица Марія, Чесьма и Ростиславъ. — Узнавъ, что изъ Константинополя вышла сильная Турецкая эскадра съ подкрѣпленіями для азіатскихъ корпусовъ своихъ, онъ тотчасъ же пошелъ ее отыскивать и нашелъ въ Синопской гавани, куда она скрылась по причинѣ бурь. Хотя непріятель былъ гораздо сильнѣе его, но онъ рѣшился блокировать гавань впредь до присоединенія къ нему другой Русской эскадры.

16 Ноября явилась ожидаемая помощь. Она состояла изъ: 120-ти пушечныхъ кораблей Парижъ, Великій Князь Константинъ и три Святителя, фрегатовъ: Кагулъ и Кулевчи. Эта эскадра была подъ начальствомъ Контръ-Адмирала Новосильскаго. — Нахимовъ тотчасъ же далъ приказаніе приготовиться къ бою.

17 Ноября въ половинѣ десятаго утромъ началось движеніе. Подойдя къ порту, усмотрѣно было, что семь турецкихъ фрегатовъ и три корвета расположены въ видѣ полумѣсяца подъ прикрытіемъ четырехъ береговыхъ батарей. За боевою же Турецкою линіею стояли два военные парохода и два транспорта.

Въ половинѣ перваго часа по первой пушкѣ Турецкаго флагманскаго корабля (фрегатъ Ауни-Аллахъ) открытъ былъ огонь со всѣхъ непріятельскихъ судовъ и батарей. — Корабль Императрица Марія засыпанъ былъ ядрами и книппелями, но храбро шелъ впередъ, дѣйствуя батальнымъ огнемъ. — Невыдержалъ и полу-часовой пальбы, фрегатъ Ауни-Аллахъ выбросился на берегъ къ батареѣ № 6. — Тогда корабль Марія обратилъ огонь свой на 44-хъ пушеч-

ный фрегатъ Фазли-Аллахъ (Рафаилъ, взятый у насъ въ 1829 году). Вскорѣ и этотъ фрегатъ, загорѣвшись, бросился то же на берегъ и сталъ на мель. — Такимъ образомъ, не имѣя противниковъ, корабль *Марія* началъ дѣйствовать по батареѣ № 5 и по судамъ, сопротивлявшимся второй колоннѣ. Но послѣднее оказалось излишнимъ: и вторая колонна дѣйствовала столь же превосходно.

Корабль Великій Князь Константинъ, принявъ скулою градъ ядеръ, книпелей и картечей, открылъ сильный батальный огонь по батареѣ № 4 и 60-ти пушечнаго фрегата Навекъ-Бахри и другаго такого же Неземи-Зеферъ. Мѣткими выстрѣлами съ бомбической батареи корабля взорванъ былъ на воздухъ черезъ 20-ть минутъ фрегатъ Навекъ-Бахри,— и тогда, поворотясь на шпрингѣ, корабль обратилъ свой огонь на второй фрегатъ и на 20-ти пушечный корветъ Неджиги-Фачанъ. — Въ часъ пополудни фрегатъ былъ отброшенъ на старую моллу, а вскорѣ за нимъ бросился на берегъ и корветъ близь батареи № 5. — Корабль Чесьма до взрыва фрегата Навекъ-Бахри дѣйствовалъ то же по немъ и по батареямъ № 3 и 4, а потомъ уже по однѣмъ батареямъ, которыя и срылъ. — Корабль Парижъ открылъ страшный батальный огонь по батареѣ № 5 и по 56-ти пушечному фрегату *Дадіадъ* и корвету *Гюли-Седифъ* (о 22-хъ пушкахъ). Въ часъ 5 минутъ по полудни корветъ взлетѣлъ на воздухъ; фрегатъ же въ два часа сдрейфовалъ къ берегу, гдѣ и загорѣлся. — Корабль *Три Святителя* очень хорошо дѣйствовалъ по 54-хъ пушечному фрегату Калди-Зефиръ и принудилъ его броситься къ берегу. — Корабль *Ростиславъ* сталъ противъ батареи № 6 и 42-хъ пушечнаго фрегата *Фейзе-Мебауръ*, — и вскорѣ фрегатъ былъ отброшенъ къ берегу, а батарея уничтожена.

Въ это время вышелъ изъ линіи Турецкій 20-ти пушеч-

ный пароходъ *Таифъ* и пустился въ открытое море. Хотя фрегаты Кагулъ и Кулевчи погнались было за нимъ, но онъ вскорѣ ушелъ.

Такимъ образомъ менѣе, нежели въ полтора часа весь непріятельскій флотъ и береговыя батареи Синопа были истреблены. Нахимовъ съ полною побѣдою возвратился съ побѣдою — и это сраженіе прибавило еще блистательную страницу въ лѣтописи нашего флота.

Это новое торжество Русскаго оружія ускорило рѣшеніе конференцій, которыя еще продолжались въ Вѣнѣ. Англія не могла простить Россіи побѣды флота ея. Французскій и Англійскій Кабинеты объявили, что будутъ силою оружія защищать Турцію.

ОПОЛЧЕНІЕ и СТРѢЛКОВЫЙ БАТАЛІОНЪ.

Въ предыдущемъ очеркѣ видѣли мы какъ началась Турецкая война 1853 года. Николай I вовсе не желалъ ее и даже не ожидалъ: всего же менѣе искалъ онъ завоеваній, какъ говорили Западныя газеты. Еслибъ онъ имѣлъ подобные планы, какъ легко могъ бы онъ ихъ выполнить въ 1848—1849 годахъ, когда вся Европа была потрясена революціями и всѣ троны колебались въ своемъ основаніи! Вмѣсто того, чтобъ спасать существованіе Австріи, онъ могъ дѣйствовать для одного себя — и никто бы не остановилъ его. Австрія не существовала бы тогда — и географія Европы измѣнилась бы. По прямодушнѣе и безкорыстнѣе Государя не было въ лѣтописяхъ исторіи. О завоеваніяхъ онъ и не помышлялъ: онъ хотѣлъ только облегчить участь христіанъ, страдавшихъ на Востокѣ. Не успѣвъ достигнуть до этой цѣли дипломатическимъ путемъ, онъ рѣшился двинуть армію въ Дунайскія Княжества, все еще надѣясь, что Порта опомнится и исполнитъ справедливыя его требованія. Еслибъ онъ желалъ и ожидалъ войны, то не 60,000 войска двинулъ бы къ Дунаю, — а 260,000, и тогда участь Турціи рѣшена бы была прежде, нежели завистники Россіи успѣли помочь Султану. Но Николай I

ОПОЛЧЕНІЕ И СТРѢЛКОВЫЙ БАТАЛІОНЪ 1854. Г.

до послѣдней минуты надѣялся на миръ — и Вѣнскія Конференціи долго обманывали довѣрчивую и благородную его душу. Наконецъ Синопское торжество заставило Англію сбросить личину и увлекши за собою Францію, объявить войну Россіи. Это была печальная минута для сердца Николая I, — и онъ, покорясь судьбѣ, началъ готовиться къ исполинской борьбѣ.

11 Апрѣля 1854 года обнародовалъ онъ слѣдующій манифестъ:

«Съ самаго начала несогласій нашихъ съ Турецкимъ Правительствомъ, Мы торжественно возвѣстили любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что единое чувство справедливости побуждаетъ Насъ возстановить нарушенныя права Православныхъ Христіанъ, подвластныхъ Портѣ. Мы не искали и не ищемъ завоеваній, ни преобладательнаго въ Турціи вліянія сверхъ того, которое по существующимъ договорамъ принадлежитъ Россіи. Тогда же встрѣтили Мы сперва недовѣрчивость, а вскорѣ и тайное противоборство Французскаго и Англійскаго Правительствъ толкованіемъ намѣреній нашихъ, введшихъ Порту въ заблужденіе. Наконецъ, сбросивъ нынѣ всякую личину, Англія и Франція объявили, что несогласія Наши съ Турціею есть дѣло въ глазахъ ихъ второстепенное, но что общая цѣль: обезсилить Россію, отторгнуть у нея часть областей и низвести отечество наше съ той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею десницею. Православной ли Россіи опасаться этихъ угрозъ? Готовясь сокрушить дерзость враговъ, уклонится ли она отъ священной цѣли, Промысломъ Всемогущимъ ей предназначенной? Нѣтъ! Россія не забыла Бога! Она ополчилась не за мірскія выгоды; она сражается за Вѣру Христіанскую и защиту единовѣрныхъ своихъ братьевъ, терзаемыхъ неистовыми врагами. Да познаетъ же все Христіан-

ство, что, какъ мыслитъ Царь Русскій, такъ мыслитъ, такъ дышетъ съ нимъ вся Русская семья. Вѣрный Богу и Единородному Сыну Его, Искупителю нашему Іисусу Христу, Православный Русскій народъ за Вѣру и Христіанство подвизается. Съ нами Богъ, никто же на ны!»

—

Такимъ образомъ началась война грозная, чудовищная, неестественная, противная человѣчеству, христіанству, всѣмъ здравымъ идеямъ. Еще недавно Франція и Англія во всѣхъ своихъ нотахъ признавали, что Россія имѣла право требовать у Порты новыхъ обезпеченій. Эти же державы утвердили даже форму тѣхъ требованій, — и когда Россія приняла ее, а Порта отказалась, Западныя Державы объявили Россіи войну, говоря, что это война за просвѣщеніе противъ варварства.

Другой ударъ еще болѣе прискорбный для сердца Николая I ожидалъ его вскорѣ. Австрія, обязанная всѣмъ своимъ существованіемъ великодушной помощи Николая I, съ жаромъ взялась за посредничество между имъ и западными державами. Онъ охотно согласился на это посредничество, увѣренъ будучи въ ея искреннемъ усердіи и преданности. Благородное его сердце не помнило всей исторіи Австріи. Онъ не зналъ, что отогрѣтая змѣя кусается. Еще Князь Шварценбергъ, управлявшій Вѣнскимъ Кабинетомъ основывалъ свою политику на томъ, чтобъ никогда не быть связаннымъ никакими узами нравственности и съ ужасающимъ цинизмомъ объявилъ, что «Австрія удивитъ міръ своею неблагодарностію.» Но когда при Ольмюцскомъ свиданіи съ юнымъ Австрійскимъ Императоромъ Францомъ-Іосифомъ Николай I видѣлъ всѣ *явные* знаки живѣйшей любви; ког-

да на слова Рускаго Царя: «между вами и дѣтьми моими я не дѣлаю никакого различія»—Францъ-Іосифъ бросился въ его объятія и отвѣчалъ: «между нами союзъ на жизнь и смерть!»—то Николай вполнѣ ввѣрился,—и увы! былъ обманутъ. Говорятъ что сопровождавшій его Цесаревичь (нынѣ Царствующій Государь Императоръ), не раздѣлялъ этой довѣрчивости.

Австрія, увидя, что перевѣсъ силы перешелъ теперь на сторону Турціи и западныхъ державъ, объявила, что она вступитъ съ арміею въ Дунайскія Княжества и требуетъ, чтобъ Русскіе очистили ихъ.

Съ этой минуты война приняла другой оборотъ. Русскіе оставили Молдавію и Валахію, спѣша защитить собственныя свои владѣнія. Англо-Французская армія высадилась у Евпаторіи и двинулась къ Севастополю. Князь Меншиковъ съ 30,000 сразился съ ними у береговъ Альмы—и принужденъ былъ отступить предъ превосходными силами.

Началась тогда безпримѣрная въ лѣтописяхъ войны осада. Открытый городъ вдругъ превратился въ крѣпость. Обоюдныя силы ежедневно прибывали — и союзники сохраняли перевѣсъ. Надобно было Россіи увеличить свои арміи. Въ Декабрѣ 1854 года изданъ былъ еще Манифестъ—и начали составлять народное ополченіе, подобно тому, какъ оно создано было въ достопамятную годину 1812 года. Но тогда брали сто человѣкъ съ тысячи; а теперь довольствовались сорока-тремя.

Сверхъ ополченій сформированъ былъ въ С.-Петербургѣ прекраснѣйшій Стрѣлковый полкъ изъ охотниковъ и дѣй-

ствительно-искусныхъ стрѣлковъ. Мундиръ ихъ былъ самый живописный и вполнѣ соотвѣтствовалъ Русскому духу. Даже были тогда слухи, что эта одежда распространится на все Русское войско.

Внутренняя организація ополченія была во многомъ схожа съ постановленіями 1812 года,—и конечно мужествомъ своимъ дружины 1855 года не уступали прославившимся своимъ предшественникамъ. Это доказали немногія, успѣвшія участвовать въ битвахъ около Севастополя.

ГРОБНИЦА ВЪ БОЗѢ ПОЧИВАЮЩАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ 1.

ГРОБНИЦА ВЪ БОЗѢ ПОЧИВАЮЩАГО

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Война съ Западомъ была еще во всемъ разгарѣ, Франція, Англія, Турція, Сардинія дѣйствовали въ полѣ и на морѣ. Австрія собиралась и грозила, удерживая чрезъ то значительную часть нашихъ войскъ у своихъ границъ. Пруссія, съ вѣковою, испытанною своею дружбою, объявила себя нейтральною, но трактатомъ 2 Декабря 1854 нравственно присоединилась уже къ политикѣ Австріи. Германія клонилась къ тому же, дозволяя безпрепятственно вербовать Англіи войска въ своихъ областяхъ. Испанія согласилась дать союзникамъ вспомогательный корпусъ. Даже Швеція заключила наконецъ трактатъ съ Франціею и Англіею. Борьба была сверхъестественною.

Николай I ужасался размѣрамъ, какіе приняла война,— но правое дѣло было на его сторонѣ,—и онъ надѣялся на Бога и на свой народъ. Между тѣмъ осада Севастополя все еще продолжалась—и 5-го Февраля 1855 года произошелъ довольно значительный бой, подъ Евпаторіею, гдѣ генералъ Хрулевъ, производя рекогносцировку, встрѣченъ былъ превосходными силами непріятеля и отступилъ, потерявъ 500 человѣкъ.

Эта незначащая неудача произвела самое неблагопріятное впечатлѣніе на Императора Николая. Разнеслась вдругъ вѣсть, что онъ нездоровъ, — то всякой узнавъ, что это простуда, гриппъ, успокоивался, потому что отъ подобныхъ болѣзней не умираютъ. Въ теченіи всего 1854 года здоровье его было уже разстроено. Кажется это разстройство началось послѣ кончины трехъ особъ, любезныхъ его сердцу: друга и брата Михаила Павловича, дочери Александры и племянницы Елисаветы Михаиловны. Впрочемъ, изъ всѣхъ своихъ подданныхъ Онъ едва ли не велъ самую умѣренную и скромную жизнь. Только исполинскіе труды и заботы мало по малу истощили крѣпкій организмъ его. До конца Января 1855 г. простудное разстройство перемѣжалось. Въ первыхъ числахъ Февраля почувствовалъ онъ себя гораздо лучше и думалъ, что всякая болѣзнь миновала. 3 Февраля выступалъ въ походъ отрядъ войскъ — и онъ рѣшился осмотрѣть ихъ. Врачи противились его выѣзду.

— «Вы не посмотрѣли бы на мою болѣзнь, — сказалъ Императоръ, еслибъ я былъ простой солдатъ.

— «Нѣтъ, Ваше Величество, — отвѣчалъ ему врачь, — я бы не позволилъ и послѣднему солдату выписаться изъ госпиталя.

— «Вы исполнили бы свой долгъ, — возразилъ Государь, — а я иду исполнить свой». И онъ поѣхалъ.

Вотъ характеристика всей его жизни, всего царствованія, всѣхъ правилъ его сердца. Исполнять долгъ! Онъ для него жилъ, царствовалъ; онъ его внушалъ всѣмъ подданнымъ; онъ для него и умеръ.

На другой день онъ выѣхалъ опять при жестокомъ морозѣ — и болѣзнь его усилилась. Обнаружился упадокъ жизненной дѣятельности въ лѣвой сторонѣ легкихъ. По долгу Христіанина, Государь говѣлъ на этой недѣлѣ, — но въ пят-

ницу 11 Февраля, когда долженъ былъ исповѣдоваться, слегъ въ постель и уже не вставалъ. Но и тутъ не прекращалъ онъ своихъ государственныхъ занятій. Казалось, онъ работами хотѣлъ преодолѣть болѣзнь. Увы! она его побѣдила!

17 Февраля болѣзнь до того усилилась, что врачи предупредили Наслѣдника. Пораженный этимъ ужаснымъ извѣстіемъ, Цесаревичъ рѣшился объявить обо всемъ обожаемой своей родительницѣ, зная высокій ея духъ. Какъ выразить скорбь ея! Царственная подруга, тридцать восемь лѣтъ раздѣлявшая съ нимъ бремя Короны и попеченія о подданныхъ, была при величайшей тѣлесной слабости, одарена непоколебимою твердостію души. Съ чувствомъ вѣры и покорности судьбѣ явилась она у изголовья больнаго.

Государь нѣсколько удивился ея приходу. Съ кроткою нѣжностію склонилась она къ нему и сказала:

— «Другъ мой! Ты не могъ окончить начатаго тобою говѣнья и пріобщиться вмѣстѣ съ нами Св. Таинъ, какъ всегда бывало. Почему бы не исполнить этого теперь? Ты знаешь, что для Христіанина нѣтъ лекарства лучше,— и многіе страждущіе получали облегченіе отъ принятія Св. Таинъ».

— «Какъ! Въ постелѣ? — быстро возразилъ Государь. Невозможно. Я радъ и желаю исполнить эту обязанность, но когда я буду на ногахъ, когда Богъ дастъ мнѣ облегченіе. Лежа и не одѣтый, могу ли приступить къ такому великому дѣлу?

Императрица умолкла, заливаясь слезами.

— «Развѣ я въ такой опасности? спросилъ Государь.

Императрица нѣжно обняла его и сказала:

— «Любишь ли ты меня, какъ прежде?

— «Люблю ли,—отвѣчалъ онъ? Могу ли не любить тебя?

Когда мы впервые увидѣлись, сердце мое сказало мнѣ вотъ твой Ангелъ-хранитель на всю жизнь, и пророчество сердца сбылось». (Растроганная Государыня продолжала проливать слезы).—Ты плачешь,—сказалъ Государь.

— «Нѣтъ,—отвѣчала она,—и предложила ему вмѣстѣ съ нею прочесть высокую молитву: Отче нашъ. Въ полголоса начала она читать ее и Государь слѣдовалъ за нею. При словѣ: *да будетъ воля Твоя*,—онъ прибавилъ: «да! во всемъ и всегда».

Послѣ этого Государь просилъ ее удалиться и успокоиться.

Послѣ полуночи всѣ члены Императорской Фамиліи собрались въ малой Церкви Зимняго Дворца для совершенія молитвы. Въ два часа ночи Лейбъ-Медикъ Мандтъ, побужденный особами, искренно-преданными и близкими, рѣшился объявить Государю о положеніи его. Войдя къ нему, началъ онъ съ того, что сей часъ встрѣтилъ стараго, хорошаго знакомаго Оберъ-Священника Бажанова.

— «Да! онъ почтенный и добрый человѣкъ, — сказалъ Государь. А когда вы съ нимъ познакомились?

— «Въ самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ: въ послѣднюю болѣзнь Великой Княгини Александры Николаевны, мы вспоминали съ нимъ объ этомъ времени.... Тутъ была и Государыня Императрица.... Какъ бы она желала, чтобъ вы позволили ей вмѣстѣ съ духовникомъ вашимъ помолиться у вашей постели о скорѣйшемъ возвращеніи вамъ здоровья».

Государь понялъ все. Выразительно, но ясно и спокойно спросилъ онъ: «скажите чтожъ, умираю ли я?»

Почти задыхающимся голосомъ произнесъ медикъ грозный свой отвѣтъ: *да!*

Въ эту минуту держалъ онъ руку Императора, наблю-

дая за біеніемъ его пульса. Ни одинъ ударъ не ускорился отъ роковаго извѣстія. Онъ жилъ и царствовалъ такъ, что могъ ежеминутно предстать предъ вѣчнаго Судію. Нѣсколько минутъ прошло въ торжественномъ молчаніи. Потомъ Государь спокойно и просто сталъ расправшивать доктора:

— «Что вы нашли во мнѣ своимъ стетоскопомъ? Каверны?

— «Нѣтъ, Ваше Величество, — отвѣчалъ врачь, — но начало паралича.

— «И у васъ достало духу такъ рѣшительно объявить мнѣ мой смертный приговоръ?

— «Государь! я имѣлъ многія къ тому причины. Первая та, что исполняю данное мною вамъ обѣщаніе. За полтора года тому назадъ вы говорили мнѣ: «требую, чтобы вы сказали мнѣ *всю правду и во-время*, когда представится надобность. Къ несчастію, эта надобность предстала нынѣ. Во-вторыхъ я исполняю священную обязанность къ Монарху и Отцу семейства. Передъ вами еще нѣсколько часовъ жизни. Вы въ полной памяти; вы знаете, что нѣтъ уже никакой надежды, — и конечно захотите воспользоваться этими часами для послѣдней бесѣды, съ Наслѣдникомъ Вашего Престола. Наконецъ я объявилъ вамъ правду, *всю правду*, потому что знаю васъ и люблю».... (Врачь залился слезами. Государь подалъ ему руку и сказалъ):

— «Благодарю». Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія продолжалъ онъ: «позовите старшаго моего сына... Незабудьте послать и за другими дѣтьми моими, за сыномъ Константиномъ... но поберегите Императрицу.

Явился Цесаревичь,—и Государь, объявя ему о скорой своей кончинѣ, прибавилъ: «надѣюсь, что ты ничего не сказалъ и не скажешь матушкѣ»...

Но та уже все знала и явилась вмѣстѣ съ духовникомъ

и со Святыми Дарами. При исповѣди всѣ вышли изъ комнаты.

— «Молю Бога, чтобъ Онъ меня принялъ въ свои объятія сказалъ Государь, по совершеніи Таинствъ. Съ этой минуты онъ хладнокровно занялся послѣдними земными заботами: велѣлъ дать знать по телеграфу въ Москву, Варшаву и Кіевъ, что «Государь умираетъ и прощается». Онъ велѣлъ положить подлѣ гроба своего образъ Богородицы одигитріи, полученный при Святомъ Крещеніи отъ Императрицы Екатерины; назначилъ въ нижнемъ этажѣ Зимняго Дворца залу, въ которой велѣлъ поставить гробъ со своими смертными останками,—и мѣсто для могилы въ Петропавловскомъ Соборѣ. Погребеніе свое приказалъ онъ совершить съ наименьшею роскошью, безъ пышнаго катафалка, безъ великолѣпныхъ убранствъ въ залѣ и церкви. Срокъ траура по немъ опредѣлилъ онъ самый кратчайшій.

Послѣ этихъ распоряженій умирающій началъ прощаться съ Августѣйшимъ своимъ семействомъ.

— «Служи Россіи»! сказалъ онъ Преемнику своему, — и это слово служитъ ручательствомъ будущаго ея счастія и величія.

Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ сказалъ онъ:

— «Теперь и мнѣ пришло время. — Скажите мой сердечный поклонъ Катѣ (Екатеринѣ Михаиловнѣ) Ей и ему (супругу ея), имъ обоимъ.

Болѣе всего ласки умирающаго обращались къ Императрицѣ.

— «Зачѣмъ я не могу умереть съ тобою? — сказала она.

— «Ты должна жить для нихъ, отвѣчалъ онъ, указывая на дѣтей, которымъ потомъ указывая и на мать, прибавилъ: «живите всегда, какъ нынѣ, въ тѣсномъ союзѣ любви семейной.»

Государь продолжалъ еще жить нѣсколько часовъ, сохраняя все присутствіе ума, всю твердость духа. Пріѣхалъ курьеръ изъ арміи съ письмомъ отъ великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей.

— Здоровы ли они — спросилъ Государь. — Все прочее теперь не касается до меня: я весь въ Богѣ.»

Послѣ этого позвалъ онъ Графа (нынѣ Князь) Орлова, Министровъ Двора и Военнаго, благодарилъ ихъ за службу и поручилъ Цесаревичу благодарить отъ его имени всѣхъ прочихъ Министровъ, гвардію, армію, флотъ и въ особенности геройскихъ защитниковъ Севастополя. Наконецъ спросилъ онъ врача съ улыбкою.

— «Скоро ли дадите мнѣ отставку? скоро ли все будетъ кончено?

— «Не такъ еще скоро, — отвѣчалъ медикъ.

— «Не лишусь ли я памяти?

— «Надѣюсь, Ваше Величество, что все будетъ тихо и спокойно.

Обнимая Преемника своего Государь сказалъ:

— «Мнѣ хотѣлось, принявъ на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ Царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи, я васъ болѣе всего любилъ на свѣтѣ.»

Духовникъ началъ читать молитвы на исходъ души: Государь слушалъ ихъ съ благоговѣніемъ и осѣнялъ себя знаменіемъ креста. — Вскорѣ силы измѣнили ему, языкъ коснѣлъ, онъ не могъ уже говорить, но указывалъ духовнику Императрицу и Наслѣдника, какъ бы прося утѣшать ихъ и молиться за нихъ.

Долго онъ не покидалъ рукъ ихъ и часто пожималъ.

— Вдругъ прекратилось это пожатіе, — замолкло біеніе сердца... Великаго Монарха не стало!

Тогда было двадцать минутъ перваго по полудни въ пятницу, 18 Февраля 1855 года.

Государь Императоръ оставилъ по себѣ завѣщаніе. Оно было писано въ 1844 году собственноручно, въ немъ конечно ни слова не было о политикѣ, какъ потомъ выдумали иностранные писатели: онъ даже не назвалъ его послѣднею своею волею, а скромно, какъ Христіанинъ, назвалъ: послѣдними своими желаніями. — Этимъ завѣщаніемъ доказалъ онъ только то, что и безъ того давно уже знали, — а именно: что онъ былъ столь же добрый отецъ и родственникъ, какъ великодушный Монархъ, не забывающій никакихъ услугъ и преданности.

Никакія слова не могутъ выразить чувства Россіи, когда она узнала о кончинѣ своего обожаемаго Государя. Исторія для него тоже безсмертіе. Всѣ дѣла его были запечатлены истиннымъ величіемъ и рыцарскими чувствами. На всѣхъ частяхъ Государственнаго управленія осталась печать великихъ его попеченій о благѣ народномъ. — Какъ нѣкогда Петръ I хотѣлъ народъ свой сдѣлать *Европейскимъ*, такъ Николай I болѣе всего старался сдѣлать его *Русскимъ* со всѣми доблестями души, съ непоколѣбимою вѣрою христіанина, съ неодолимымъ мужествомъ воина, съ неуклоннымъ исполненіемъ долга гражданина и семьянина. Вѣчная слава Великому изъ монарховъ.

